Если бы не ты

Автор:
Алиса Гордеева

Если бы не ты

Алиса Гордеева

Любовь вопреки #1

Ксения возвращается в Россию после учебы в закрытой школе в Лондоне, в которую ее в спешке определил отчим. За годы учебы она потеряла всех, кто был ей дорог. Впереди жизнь с чистого листа. Новые горизонты, планы, мечты. Вот только ОН не позволит ей жить так, как хочет она. У него свои планы на эту девочку. И уже давно!

Алиса Гордеева

Если бы не ты

1. Звонок из прошлого

Затримесяцадо…

Вокруг меня царили шум и суета.

Все куда-то спешили, бежали, боялись опоздать. Тащили тяжелые сумки, стучали колесами объемных чемоданов. По громкой связи объявили о начале регистрации на очередной рейс. А совсем недавно сообщили о посадке еще

одного самолета.

Я была одна. Все никак не могла освоиться. Самолет приземлился примерно час назад. На автомате прошла таможенный контроль и вот сейчас стояла у выхода.

Время остановилось. На душе у меня было пусто. Меня некому было встречать. В этом городе меня никто не ждал. В этой холодной и серой стране у меня не осталось ни одного близкого человека. В этом мире я давно была уже совсем одна.

Мысли невольно вернулись назад, в прошлое. Мне было четырнадцать. Стоя на этом же самом месте, меня обнимала мама. Я уже не плакала, слушала и хотела верить ее обещаниям, что скоро смогу вернуться домой, что надо потерпеть совсем чуть-чуть. Да и глупо было расстраиваться: не каждому удавалось получить место в лучшей школе Лондона, а передо мной открывалось столько возможностей…

Тогда я ещё надеялась, что это именно так, что мама с отчимом хотели дать мне все самое лучшее и потому отправляли так далеко. Тогда я верила, что мама будет скучать, что ей было так же больно и страшно, как и мне. Тогда… это было тогда.

Прошло четыре года, и когда мне исполнилось восемнадцать, никто не ждал, что я вернусь.

Такси подъехало к серой панельной пятиэтажке. У подъезда стояла полуразвалившаяся лавочка, за которой цвёл огромный куст сирени. Невольно залюбовавшись цветущим облаком, я не сразу поняла, что пора выходить. Таксист, вежливый дядечка лет пятидесяти, помог достать чемодан и даже донести его до дверей. Дальше я шла сама. Пятый этаж, лифта нет. При виде двери, обитой коричневым дерматином, воспоминания нахлынули с новой силой.

В этой квартире прошло все мое детство – счастливое и солнечное, с ароматом бабушкиных оладушков, веселыми классиками с девчонками во дворе. Мне было лет семь, когда мама увезла меня в другой дом к своему новому мужу и его семье. Бабуля осталась здесь одна. Максим Петрович, мой отчим, не любил ее, не разрешал часто к ней приезжать к ней. Помню, как сбегала из школы, чтобы только навестить бабушку, как рассказывала ей обо всем на свете, просилась

остаться у нее. Так и сейчас, сбежав от всех, я очень бы хотела ее обнять, поговорить за чашечкой чая с малиновым вареньем… Вот только уже год, как ее не стало, а мне даже не дали с ней проститься.

Бабуля была единственным человеком, с которым я общалась все это время. Мы созванивались примерно раз в неделю. А в тот раз вместо нее к телефону подошел мужчина и сказал, что Марии Федоровны больше нет.

Тогда я впервые позвонила отчиму, слезно умоляя его разрешить мне вернуться, пусть не насовсем, но он отказал.

«Ты никуда не поедешь. Помочь Марии Федоровне ты уже не сможешь. Мы без тебя тут разберемся», – вот и все его слова, а я ревела белугой и ничего не могла изменить.

Отношения с отчимом никогда не были душевными. Другое дело – мама. Ее он боготворил, сдувал пылинки и делал все, о чем она ни попросит. А просила мама много и часто. Мне казалось, что она так была увлечена новыми возможностями, что забывала обо мне, о бабуле. Она сильно изменилась рядом с ним. Прежде домашняя, добрая, чуткая, с ним стала расчетливой и сухой, хотя и безумно красивой. С каждым годом она расцветала все больше и больше и все больше отдалялась от меня. Наверно, поэтому, когда Максим Петрович сказал, что в его доме мне больше не рады, мама без лишних сожалений отправила меня подальше.

В квартире почти ничего не изменилось, все было так, как до моего отъезда, не считая слоя пыли, скопившейся за это время.

Оставив чемодан в коридоре, я прошла в гостиную – светлую, простую комнату с небольшим диванчиком, журнальным столиком и любимым плетеным креслом. Как же мне не хватало, казалось бы, простых вещей!

В Лондоне у меня тоже была своя комната, как и у любого другого учащегося нашей школы. Все было просто: самый необходимый минимум мебели, немного книг, в шкафу – исключительно школьная форма и пара пижам. Большего мне и не было нужно.

В школе нам выдавали стипендию – небольшую, но на карманные расходы хватало. Девчонки обычно тут же тратили ее на всякую ерунду, я же старалась откладывать по максимуму, осознавая, что только так у меня оставался шанс вернуться. Многие смеялись и совершенно не понимали меня. Еще бы, в крутой школе учились исключительно отпрыски обеспеченных и важных. Недостатка в финансах не было ни у одного из учеников, кроме меня. Нет, конечно, мое обучение полностью оплачивал отчим, но на этом его участие в моей жизни заканчивалось. Ни звонков, ни каникул в родном доме – ничего. Меня просто вычеркнули из семьи Соболевых без права на возвращение.

А я всегда хотела домой! Нет, не в особняк, где теперь жила мама, а в эту уютную двушку на пятом этаже. Семью Соболевых я давно вычеркнула из сердца – тяжело, болезненно, до срывов, когда хотелось вопить в голос, выть и биться об стены головой. Меня ломало от непонимания мамы, от ее поступков, ее равнодушия. Объясни она мне, поговори, может, я бы и смогла ее простить, попыталась бы ее понять, найти хотя бы одно оправдание ее отказа от меня. Но кроме молчания не было ничего….

И вот я была здесь. Сидела в любимом бабушкином кресле, укутавшись в ее плед. Вдыхала отголоски ее запаха, а из глаз тонкими извилистыми ручейками стекали непрошеные слезы. А ведь я давала себе зарок больше никогда не плакать!

Сколько я так просидела, не знаю. Но тишину прервал звонок в дверь. Затаив дыхание, немного напряглась. О моем возвращении никто не знал.

Осторожно, почти не дыша, направилась к входной двери, чтобы заглянуть в глазок. Но вдруг ощутила резкую боль в ноге. Чемодан, чтоб его! Я совсем о нем забыла, и сейчас, в темноте, он разрушил все планы на конспирацию.

– Кто? – охрипшим от слез голосом спросила я.– Кто там?

– Алевтина Егоровна это. Из тридцать седьмой квартиры. Катька, шельма, ты, что ль, у матери-то? – раздался встревоженный голос. Катька – это, видимо, была моя мама. Правда, так ее не называли, последние лет десять – точно. Сейчас только «Екатерина Михайловна», не иначе.

Решив, что разговаривать через дверь нелепо, открыла и впустила женщину в квартиру. Ее взгляд был красноречивее любых слов: сначала возмущенный, потом любопытный и озадаченный, а как пришло узнавание – удивленный, немного печальный, но добрый.

– Ксюша, ты, что ли? Бог с тобой! Откуда ты? Выросла-то как! Не помнишь меня, наверно, да? Мы с Машенькой, бабушкой твоей, вместе работали да жили по соседству. Ты еще ко мне прибегала играть с Барсиком. А Машенька так тебя ждала…

Алевтину Егоровну я узнала сразу: за четыре года она мало изменилась.

–Здравствуйте, Алевтина Егоровна!– Даже не думала, что буду так рада встрече с ней. – Как вы? Как здоровье?

– Ксюшенька! Как же хорошо, что ты вернулась! Как Машеньку похоронили, так я и сама сдала, сердце. Ну, да не бери в голову. Пошли ко мне, обо всем расскажешь, да покормлю тебя – вон, худая какая стала! И что, тебя там, в Англии твоей, совсем не кормили?

– Не моя она, уже не моя. – Почему-то других слов у меня не нашлось.

Спустя полчаса мы сидели на кухне этажом ниже, пили чай, и Алевтина Егоровна мне все рассказала: о том, как бабуля без меня тут жила, о её сердечном приступе, о больнице, о том, что мама даже на похороны не приехала. А я сидела, слушала ее и даже не замечала своих слез.

– Не плачь, Ксюнечка, девочка моя! Не хотела бы Машенька, чтоб ты так убивалась. Все ждала тебя. Знала она, что ты все равно вернешься. – Теплая ладонь соседки легла на мою. И внезапно мне и вправду стало легче! Впервые за долгие годы ощутила заботу, и сердце сжалось в новых тисках. – Все это в прошлом! Погоди, Машенька же тебе кое-что оставила.

Алевтина Егоровна открыла шкафчик над холодильником и стала что-то искать. Через пару минут она отдала мне какие-то бумаги, завернутые в пакет и перетянутые резинкой.

– Вот! Катькин муж все порывался квартиру продать, да никак не мог: ты ж в ней прописана, да Машенька как знала – завещание написала. Но это тебе к нотариусу лучше сходить. А вот это она тебе откладывала, всё говорила, что тяжело тебе будет, когда вернешься, ироды эти тебе житья не дадут!

Дрожащими руками стала разворачивать кулек, а там – деньги, и сверху записочка, написанная бабушкиным почерком: «Для моей Ксюнечки».

– На первое время помощь! А так, где живу, знаешь! Помогу, чем сильна буду! – И снова её рука накрыла мою, а в глазах стояли слезы.

Неделя в родном городе пролетела незаметно. В квартире я почти обжилась. Алевтина Егоровна поделилась несколькими цветами в горшках, и стало как-то совсем по-домашнему уютно.

С нотариусом вопрос тоже смогли решить достаточно быстро. Теперь я жила здесь без страха, что в любой момент меня смогут выселить.

А еще я подала документы в вуз, на лингвистический, благо, с моим аттестатом и знанием языка проблем в этом плане не возникло. До начала учебы оставалось почти два месяца, и я решила попытаться найти работу. Дала несколько объявлений, что позанимаюсь языками с детками в качестве репетитора.

Как раз сейчас я ехала на маршрутке на свой первый пробный урок. За окном мелькал город. Я смотрела на него и не узнавала. И, вроде, не так много новых зданий появилось за это время, но все стало каким-то другим.

На очередной остановке взгляд зацепился за одну из ярких вывесок. Это был огромный то ли салон красоты, то ли SPA-центр с говорящим для меня названием «Бьюти-центр Екатерины Соболевой». На несколько секунд я забыла, как дышать. В области сердца неприятно заныло от осознания того, что все у мамы было хорошо, и забыла она обо мне не от того, что что-то случилось, а именно так иногда себя утешала. Я действительно была не нужна ей.

На ватных ногах добралась до нужного адреса. Все пыталась себя успокоить, настроить на рабочий лад. Но руки предательски дрожали, да и глаза опять были на мокром месте.

Моим первым учеником оказался шустрый мальчонка лет девяти. Матвей учился в третьем классе и много пропустил из-за болезни. Летом же вместо отдыха догонял программу, в том числе и по английскому. Мы нашли общий язык буквально сразу, отчего занятие пролетело незаметно, и родители оказались довольны и моим подходом к ребенку, и моими знаниями. Поэтому договорились заниматься регулярно, что безумно меня обрадовало, и даже мысли о маме отступили куда-то вдаль.

Окрыленная своей первой маленькой победой, я почти добралась до дома, как зазвонил телефон. Номер отчима я знала наизусть, хоть и набирала его всего лишь пару раз.

2. До

—Да! – Как я ни старалась придать голосу уверенности, он явно звучал фальшиво.

– Сбежала, значит… – А вот отчим даже не пытался говорить спокойно. Он был в бешенстве. – Ты хоть понимаешь, что ты творишь?! Ты о матери подумала! Она же себе места не находит! Хороша дочка! Вырастил же…

– Я имею право жить там, где хочу, и так, как хочу! Вашего разрешения мне больше не надо! – Все эти годы я заучивала эту фразу, как мантру. Как же я мечтала бросить ее отчиму при встрече! Но вот она обрела словесную форму и сразу показалась мне какой-то слабой, даже жалкой. Смех на том конце только подтвердил мои опасения.

– Кто тебе такую чушь сказал?! Ты будешь там, куда я тебя засуну, и головы своей не высунешь, пока я не разрешу! Поняла?

– Мне уже восемнадцать, вы мне больше никто! – Наверно, не стоило бросать быку красную тряпку, но сказанного не воротишь. В трубке на секунду воцарилось молчание. На мгновение я подумала, что оборвалась связь. Но отчим просто испытывал мое терпение. – Моя жизнь вас больше не касается. Давайте

сделаем вид, что мы чужие люди, и больше никак не будем пересекаться.

– Слушай сюда, взрослая моя! – Голос отчима звучал ровно, без эмоций, даже как-то устало. – Завтра же ты забираешь документы из института и сваливаешь из этого города на все четыре стороны. Деньги на первое время завезет мой человек. И поверь, это, прежде всего, в твоих интересах. Я все сказал!

Что-то добавить или возразить я не успела: отчим отключился. И у меня на душе мгновенно стало холодно и горько. Вот за что они со мной так поступали! Чем я так мешала, что даже находиться со мной в одном городе было невыносимо противно?

Домой идти сразу же расхотелось, и тем более следовать глупым рекомендациям отчима. Твердо решила, что никуда не поеду, а если я ему была настолько ненавистна, пусть уезжает сам. В конце концов, город огромный, вероятность когда-либо пересечься друг с другом у нас была ничтожно мала.

С этими мыслями я незаметно дошла до кофейни на углу. Решив, что отдых и кофе мне необходимы, я заняла место на летней веранде. В голове постоянно прокручивала недавний разговор, невольно вспоминая свое детство: как ни крути, а корни их неприязни ко мне произрастали именно оттуда. Но ничего особенного в голову не приходило.

Мы переехали в особняк Соболева накануне его с мамой свадьбы. Это был огромный дом с ухоженной территорией. Мне он казался настоящим дворцом. От громоздких ворот до дома мы ехали минут пять. Извилистая дорожка с клумбами и кустарниками по краям вела к белоснежному трехэтажному зданию. Вот зачем, казалось бы, человеку трехэтажный дом? Стоило зайти внутрь, как вопросов и поводов для изумления становилось все больше. Гостиная, отчасти походившая на фойе какого-то театра, была необъятных размеров. Светлая, с огромными окнами в пол и широкой лестницей с отделкой под камень, она создавала ощущение нереальности. На втором этаже была отдельная комната для меня – огромная, с большущей мягкой кроватью. Белоснежный ковер с единорогами и светлая мебель в таком же стиле делали комнату поистине сказочной.

Максим Петрович тогда был со мной очень тактичным. Всегда старался услышать мое мнение, пытался завоевать мое доверие и одобрение. Нет, он

никогда не сюсюкал со мной, но общаться с ним было приятно. Сразу после свадьбы он попросил называть его папой, но я отказалась: у меня был отец, и пусть знала я о нем лишь из редких рассказов матери, но назвать папой другого человека не смогла. Максим Петрович отнесся к моему решению с уважением, но с тех пор в его поведении стал прослеживаться холодок –не явный, но сближение между нами в тот момент застопорилось, а спустя пару лет начался откровенный разлад. Не думаю, что отчим сильно переживал из-за этого. Не сложились теплые отношения, и ладно. Открытых конфликтов между нами не возникало, просто мы стали друг другу чужими.

Мама тогда была так увлечена им, что мое мнение ее волновало в последнюю очередь, как и наши ледяные с ним отношения. «Ксюшенька, ну что ты такое говоришь?! Максим любит тебя, как родную. Не выдумывай!» – Она даже не пыталась меня услышать. Мне было обидно, но поделать я тогда ничего не могла.

У отчима был и свой сын от первого брака, Алексей – высокий темноволосый парень с серыми ледяными глазами, как у отца. Его гордость и отдушина. Алексей был старше меня лет на семь и активно занимался плаванием. Постоянные соревнования, медали, кубки – казалось, никто не умел плавать быстрее Леши. Да, Леша во всем был чемпионом. После каждой своей оплошности я сразу слышала, что вот Леша бы так не поступил, равняйся, учись, глядя на брата. Вот только какой он мне брат? Между нами не было ничего общего – пропасть. Нельзя сказать, что Леша был рад мелкой сестрёнке. Я его откровенно бесила, но в силу воспитания он не позволял себе ничего лишнего, сглатывая все мои обидные слова с постоянным: «Ты же мелкая – что с тебя взять?».

Года через три Леша уехал учиться в Москву, хотя отец настаивал, чтобы тот получил образование за границей. Однако Леша был еще тем упертым бараном, и если он решил учиться в московском вузе, изменить его решение никто не смог.

Он часто приезжал на каникулы домой – такой взрослый, серьезный и безумно красивый. Однажды он приехал с девушкой – милой, скромной блондинкой с огромными, как у оленя, карими глазами. Она была похожа на куклу. А Лешка смотрел на нее таким теплым и добрым взглядом, каким ни разу не взглянул на меня. Конечно, я все еще была лишь мелкой надоедливой сестренкой, хотя тогда

мне уже исполнилось тринадцать. Мы с подружками вовсю обсуждали мальчишек, интересовались модой и старались выглядеть, как взрослые, но, сидя рядом с Лешиной «куклой», я понимала, что все мои старания тщетны. Ведь кто я? Нескладный подросток с тощими ногами, без каких-то намеков на женственность и привлекательность. Тогда я впервые ощутила себя неуютно, неуверенно, и было что-то еще, что заставляло сердце сжиматься от одного только взгляда на их переплетенные руки, нежные взгляды и шептания на ушко. Мне хотелось оказаться на месте этой девушки, а ее стереть в порошок.

Именно в тот день я поняла, почему Леша никогда не был для меня братом. Мои чувства к нему были иными. От осознания своей увлеченности им мне стало тогда жутко неловко. Если раньше я с легкостью могла смотреть в его ледяные глаза, говорить всякие колкости, вредничать, то сейчас боялась даже взглянуть на него. А если случайно встречалась взглядом, ощущала, как краска стыдливо приливает к щекам. Хорошо, что Леша быстро вернулся в Москву, и все, что мне оставалось, это лишь мечтать.

Мечтала, к слову, я совсем недолго. Буквально через пару месяцев и меня отправили учиться в Лондон – точнее, просто выгнали из дома, из города, из прежней беззаботной жизни.

3. Егор

– У вас что-то случилось? Всё хорошо? – Мягкий мужской голос, раздавшийся над головой, вырвал меня из воспоминаний. Подняв голову, я увидела симпатичного молодого человека лет двадцати. Судя по бэйджику и фирменной одежде, это был сотрудник кофейни. Странно: вроде, до этого меня обслуживала девушка.

– Простите? – не до конца понимая, что он от меня хочет, спросила я и в этот момент осознала, что на автомате помешивала ложечкой в пустой чашке. – Ах, это? Все нормально, просто задумалась!

– Тогда, может, еще чашечку?

Мне показалось, или он мне подмигнул? А глаза у него красивые, да и вообще парень симпатичный.

– С удовольствием!

– Отлично, через пару минут самый вкусный кофе будет у вас!

Вот только ни через пару минут, ни через десять кофе так у меня и не появился. Решив не терять времени, подошла к бариста, чтобы забрать кофе с собой и не ждать больше за столиком. За стойкой стоял тот самый парень, которого я приняла за официанта.

– Оу, это вы?! – Он растерянно посмотрел на меня и извиняющимся голосом добавил: – Помню, помню про самый вкусный кофе для очаровательной задумчивой девушки! Одну секунду! С собой?

– С собой.

Не дождавшись ответа, парень уже начал колдовать над напитком у кофе-машины.

– Вы меня простите, что так долго. Просто никак не могу найти помощника, а сам едва все успеваю. Я оглянулась; весь зал, и правда, был забит, ни одного пустого столика не было.– Лето… Никто не хочет работать. Обычно нас тут двое, и клиентам не приходится ждать долго.

– Может, у вас завышенные требования к кандидатам?

– Кроме желания работать – ни одного!

– Что, и даже студентов берете?

– А почему бы и нет? Днем посетителей не много, помощь нужна по вечерам и в выходные. Ваш кофе! – Парень развернулся ко мне и поставил бумажный стаканчик. – Меня, кстати, Егор зовут. А вас?

– Ксюша. Спасибо! – Хотела взять стаканчик, но парень меня остановил.

– Ксюша, а может, ко мне в помощницы пойдешь? – Он как-то резко перешел на «ты».

– Может, и пойду.

Зачем я это сказала? Где-где, а в кафе работать никогда не хотела. Но то ли взгляд Егора, то ли атмосфера нашего общения повлияли на мои слова.

– Я серьезно, Ксюш! Конечно, оклад у нас тут не самый большой, но чаевые отличные. Да и работа интересная! По жизни пригодится! Не смейся! Будешь потом мужа удивлять кофейными изысками! Да, и самый главный аргумент в пользу твоего «да»: поверь, работать в моей компании тебе точно понравится!

– Егор, даже не знаю… – Я действительно пребывала в смятении. Но если серьезно, работа мне не помешала бы. На одних уроках с Матвеем много не заработаешь, а жить на что-то надо. Просто всё вышло несколько неожиданно.– Я могу подумать?

– Вот, позвони мне вечером! Дольше ждать не могу: сама видишь, полный аврал.– Он протянул мне салфетку, на которой ровным почерком был написан его номер.

– Я позвоню.

Субботнее утро встретило меня стуком проливного дождя в окно и раскатами грома где-то вдалеке. Серое пасмурное небо совершенно не подходило к моему настроению. Впервые за долгое время я проснулась с улыбкой на лице. И неужели причиной тому вчерашний вечерний разговор с Егором, затянувшийся почти на пару часов? Да, вчера я согласилась работать с ним и была сильно удивлена, что Егор был не просто бариста, а владельцем этой самой кофейни.

Оказалось, так парень совмещал свое хобби и неплохую прибыль. А еще я узнала, что он учился в том же универе, куда поступила и я. Правда, был уже на третьем курсе и с этого года перешел на заочное отделение, чтобы больше времени уделять любимому делу.

Разговор получился легким, и совершенно не хотелось его прекращать. Мы были на одной волне, и это было так классно! Я была уверена, что с Егором мы поладим!

Пасмурное утро я решила скрасить вкусным завтраком, а потому уже через пятнадцать минут вовсю жарила оладушки по бабушкиному фирменному рецепту. Вообще, это был такой кайф: готовить самой! Мне не хватало этого в Лондоне, хотя не скажу, что нас плохо или невкусно кормили – скорее, наоборот. Но когда ты готовишь сам, то получаешь удовольствие вдвойне: и от вкуса блюда, и от предвкушения его в процессе готовки.

Когда раздался стук в дверь, я была уверена, что это Алевтина Егоровна. Она частенько заходила ко мне. Мы часто вместе пили чай, она рассказывала мне о бабушке, а позавчера научила варить борщ, да такой вкусный, что пальчики оближешь! Поэтому, оставив оладушек скворчать на сковородке, побежала, чтобы открыть дверь и пригласить соседку позавтракать вместе. Но в гости ко мне пришла не она.

4. Крокодил

– Здравствуй, Ксения!

Открыв дверь, я замерла на месте.

Я совсем не ожидала увидеть его. В черном пиджаке и такой же черной водолазке, из-под приспущенных очков на меня внимательно смотрел Геннадий Викторович Миронов, или просто дядя Гена, хотя для меня он всегда был «моим самым лучшим в мире крокодилом». Такую вольность он позволял только мне, даже мама называла его исключительно по имени и отчеству. Кем он был для семьи Соболевых? Другом, защитником и правой рукой Максима Петровича. К его помощи последний прибегал лишь в очень сложных ситуациях. Казалось, дядя Гена мог всё. Для него не существовало закрытых дверей и нерешаемых проблем. За семь лет жизни в семье Соболевых он стал для меня вторым отцом и самым близким человеком. Грозный, молчаливый и неприветливый, он внушал страх и трепет окружающим, но только не мне. В мои семь он стал для меня «крокодилом Геной», добрым и заботливым. Я не боялась его, а наоборот, всегда

тянулась к нему и восхищалась его силой и острым умом. Когда мне исполнилось двенадцать, отчим прикрепил дядю Гену ко мне в качестве личного водителя. Тогда это не вызывало в моей голове вопросов, но, уже будучи в Лондоне, я часто задавалась вопросом: почему именно он? Вспоминая все наши поездки, я поняла, что рядом со мной он играл роль не водителя, а личного охранника. Но вот зачем двенадцатилетней девчонке такая серьезная охрана, я так и не узнала. За пару недель до моего отъезда в Лондон дядя Гена внезапно исчез, и на все вопросы, где же Геннадий Викторович, я получала один и тот же ответ: уехал, куда и зачем – неизвестно. Но однажды я случайно не услышала разговор отчима по телефону. Беседовал он явно с врачом, и речь шла о моем «любимом крокодиле«, но что конкретно произошло, так и осталось тайной. И вот он тут, прямо передо мной, стоял на пороге моей квартиры. Он почти не изменился, только волосы местами покрыла седина.

– Ксюнь, может, разрешишь войти? – спросил он: слишком долго я ошалело смотрела на него.

– Конечно, Геннадий Викторович, проходите.

– И давно я для тебя Геннадий Викторович? – Закрыв за собой дверь и принюхавшись, он добавил: – Ксюнь, у тебя горит что-то!

И точно, оладушки уже не просто пригорели, а начали дымиться. Выйдя из ступора, я побежала спасать кухню и остатки своего завтрака.

Дядя Гена прошел следом, открыл форточку, чтобы немного проветрить кухню, и уселся за стол. На маленькой кухне его огромная фигура занимала практически все место, но заботило меня сейчас совсем другое. Пока я думала, как правильно сформулировать и задать вопрос о причине его визита ко мне, дядя Гена начал сам.

– Ксюш, давай ты сейчас организуешь старику большую кружку черного чая, да мы с тобой потолкуем. Понимаю, что вопросов в твоей голове сейчас как пчел в улье. Но постарайся меня выслушать молча и без эмоций… ну, или хотя бы не перебивай. Договорились?

В ответ я кивнула и принялась собирать на стол.

– Ты скажи мне, глупому: зачем сбежала из Лондона? Только напоминаю: без эмоций, по делу!

И вот что мне ему надо было ответить? Боялась, что отчим отправит еще куда подальше после окончания школы? Хотела испариться с их радаров и начать жизнь с чистого листа?

– Молчишь! То-то и оно! Понимаешь, Ксюш, вот нельзя тебе было возвращаться, никак нельзя.

– Поэтому и сбежала. Мой дом здесь. Я же даже с бабушкой не попрощалась. И все из-за чего? Из-за того, что кто-то видеть меня больше не желает? Так пусть не смотрят, я же к ним не лезу! – В душе бушевал ураган, но, зная дядю Гену, я держала себя в руках.

– Знаешь, иногда все не так просто, да и не так, как кажется. Думаешь, не нужна никому, с глаз долой, и хорошо? Так вот, скажу тебе, что все наоборот. Сложно всё! Очень! И твой внезапный приезд делает ситуацию еще более опасной для всех. Максим уверен, что еще не поздно тебе вернуться в Лондон, а мне кажется, что это уже не вариант: слишком много где ты уже засветилась. Поэтому действовать будем по моему плану.

Так много слов, какой-то непонятной для меня информации, а в голове набатом повторялись его слова: «Думаешь, не нужна никому?.. Все наоборот…» И что всё это могло значить?

– Как мама? – перебив дядю Гену на полуслове, спросила дрожащим голосом.

Дядя Гена резко замолчал, глубоко вдохнул, взъерошил свою седину и, не моргая, взглянул на меня в упор. Взгляд его был таким тяжелым, что невозможно было даже сделать вдох. С минуту он буравил меня взглядом, а потом на выдохе произнес:

– Без изменений.

И что это значило? Только одно: я ей не нужна! И все эти слова об опасности, о моем заблуждении, об их отношении – всё это ложь!

– Ксюш, я так понимаю, ты меня услышала и мы договорились! Так?

О чем он сейчас говорил, о чем мы договорились? Со своими мыслями я совершенно потеряла суть его рассказа. Да что бы он мне ни предлагал, я не верила ни одному его слову. Он, как и все, исчез из моей жизни на целых четыре года. Говорил, что всегда будет рядом, что всегда и ото всех защитит, а сам бросил. Где же он был, когда я в слезах покидала особняк Соболевых?

– Дядь Ген… – От моего к нему обращения у мужчины вырвался вздох облегчения. Для него это было знаком, что я ему поверила, что я была на его стороне и играла по его правилам. Вот только это было не так! – Дядь Ген, а куда ты тогда пропал перед моим отъездом в Лондон?

И снова вместо ответа повисло молчание. А мне этот его ответ был крайне необходим. Я по нему могла сразу все понять. Он и сам чувствовал, что именно от того, что он мне скажет, будет зависеть, поддержу я его или нет.

Мысленно я просила его только об одном: чтобы не обманул… Но он решил иначе.

– Максим попросил дела в Москве проверить. Там крот в офисе главном завелся, вот – искали! – А сам понимал, что нельзя врать, что я не поверила, что читаю его, как открытую книгу, но сказать правду так и не смог.

– Дядь Ген, уходи! Я не уеду. Но Максиму Петровичу передай, что он меня больше не увидит. Никому мешать жить я не собираюсь. Тем более, уже давно всех вас вычеркнула из своей жизни.

5. Его дочь

Напряжение между нами можно было ощутить физически. Уже минут пять дядя Гена просто сидел и молчал, глядя на меня в упор. Я стояла, опершись на косяк

двери, переминаясь с ноги на ногу, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. Он не тот человек, которого я хотела обидеть, но все же своими словами задела его. И он однозначно не тот человек, который мог бы меня предать, но, тем не менее, за эти четыре года я вижу его впервые. Что мешало ему просто позвонить мне, узнать, как я, да и просто напомнить, что он рядом? Почему он так легко отвернулся от меня? И зачем сейчас здесь? Почему говорит так размыто? Для чего вся эта ложь?

– Значит, так, Ксения: хочешь жить здесь и самостоятельно – живи! – От его резкого тона я вздрогнула. Голос Геннадия Викторовича звучал решительно и не допускал возражений с моей стороны. – Но при одном условии! Это условие не подлежит обсуждению и нарушению с твоей стороны! С этой минуты для всех ты – моя дочь! Романовской Ксении Николаевны никогда не существовало, ты меня поняла? Ты моя дочь. Жила в доме Соболевых какое-то время, поскольку я там работал. Никакого отношения к ним ты не имеешь! Они для тебя чужие люди!

Он достал из потайного кармана пиджака какие-то бумаги и с силой хлопнул ими по столу.

– Здесь твой новый паспорт. С институтом и квартирой разберусь сам. К Соболевым ни ногой! – Он опустил голову, немного подумал о чем-то и добавил уже чуть мягче: – Ксюш, ты поняла меня?

В этот момент слова застряли у меня в горле, и я смогла лишь отрицательно помотать головой.

– Так надо, девочка моя!

– Кому надо? Зачем все это? Я и так никогда не была Соболевой, ни на что не претендую! Хочешь, напишу отказ от всего? Фамилия моя от матери, я и так для Соболева никто. Зачем все усложнять? Меня никто не знает! С доблестной фамилией Соболевых меня никто и не ассоциировал никогда! Погоди. – И тут меня поразила в самое сердце очень неприятная догадка. – Если ты якобы мой отец… – Слово «отец» я пальцами заключила в воображаемые кавычки.– …То кто моя «мать»?

– Твоя, как ты выражаешься, «мать» умерла при родах, ты ее никогда не знала и не видела! Имя и легенду можешь выдумать сама, это никого не заинтересует.

– Это все из-за нее, так? Как же я сразу не догадалась?! За что она так со мной?!

– Хватит, Ксения! Выбор у тебя невелик: хочешь остаться – играешь по моим правилам, не хочешь – возвращаешься в Лондон! Колледж тебе без проблем там подберем.

Он резко встал, постучал пальцами по документам на столе, явно о чем-то думая, собираясь мне еще что-то сказать. Но потом так же резко пошел к выходу, в коридоре на мгновение замер и посмотрел на меня.

– Я тебе не враг, Ксюша, мне совсем не безразлично, что с тобой будет! Да и мама твоя виновата лишь в том, что глупой была в твои годы. – Опять тишина. Я смотрела на него и чувствовала, что меня начинает трясти. – Не вини её ни в чем!

Стук резко захлопнувшейся двери стал для меня спусковым механизмом. Слезы, опять эти слезы… По стенке опустилась на пол, обхватила колени дрожащими руками и дала им волю. Черт с ним, с обещанием никогда больше не плакать! Сегодня можно! Сегодня я окончательно потеряла свою мать!

6. Не верю

Вокруг тишина, лишь капли дождя стучатся в мои окна. Как же, однако, погода угадала! Мне больно. Ощущение, что внутри все выворачивается наизнанку. Мысли смешались с воспоминаниями. Все обрывками. Обо всем и в тоже время ни о чем конкретном. Что должно было произойти, чтобы мама от меня отвернулась? Мама, моя любимая мама!

В этом самом коридоре, где сейчас я плачу, свернувшись калачиком, она столько раз меня обнимала и целовала. Вот тут стояли мои санки, на которых мама возила меня в садик. При этом каждый раз она придумывала разные сказочные истории, всю дорогу рассказывала их мне, и в садик я всегда приходила с улыбкой. А еще мы играли в прятки: я пряталась в шкафу в прихожей, а мама делала вид, что не может меня найти…

Никогда в моей голове даже не возникала мысль, что она меня не любит! Нет, напротив! Её любовь была за двоих!

Папа ушел от нее, когда мама была беременна мной. Она редко говорила о нем, но если и говорила, то всегда что-то хорошее. Ни одного плохого слова в его адрес. Как так можно?! Он ее бросил, бросил меня, а она не то что не обижалась на него – напротив, говорила, что у меня самый лучший папа. «Просто так сложилось, у него не было выбора, ему пришлось нас оставить».

Мне было так хорошо с мамой, что отсутствие папы не слишком меня печалило. Да и бабушка всегда была рядом. У нас была очень дружная семья из одних девчонок! Мне ее не хватает. Господи, как же мне их обеих не хватает!

После замужества мама изменилась. И это правильно! Жена успешного и известного бизнесмена просто не имела права оставаться «серой мышкой». Она стала следить за собой, красиво и дорого одеваться, с отчимом они постоянно путешествовали и посещали светские мероприятия. Из обычного врача-дерматолога местной поликлиники она превратилась в преуспевающую бизнес-леди со своими салонами красоты. И я всегда была рада за маму. Да, ее внимание теперь не было всецело моим, но это не было чем-то ужасным. Конечно, мне хотелось больше времени проводить с ней, но разве это не обычное детское желание? Могла ли я ей в этом мешать, надоедать? Наверно, но не до такой же степени, чтобы отказаться от меня. Нет, точно нет, не могло это стать причиной происходящего.

В тот день я, как обычно, вернулась из школы и поднялась к себе. Спустя время мама постучалась и предложила немного поговорить. Она спрашивала, не хочу ли я побывать в других странах и попрактиковать свой английский на деле. Языки всегда давались мне легко, к восьмому классу я уже довольно свободно говорила на английском и немецком, поэтому и предложение мамы показалось мне заманчивым. Если бы только я не отнеслась к этому разговору как к пустой болтовне! Сейчас понимаю, что сама дала им зеленый свет!

Уже вечером за ужином отчим в своей приказной и беспрекословной манере поставил меня перед фактом, что через два дня я вылетаю в Лондон. Спорить, просить было бесполезно: переубедить отчима невозможно. Влияние на него имела только мама, но в тот момент она не стала спорить. Опустив глаза и ковыряя вилкой остатки ужина, она просто промолчала.

Чуть позже, всё так же молча, она помогала мне складывать вещи. Только самое необходимое. И лишь в аэропорту она немного дала волю чувствам. Долго и крепко обнимала меня, сначала все так же молча, потом ласково просила ей звонить. Обещала, что совсем скоро я вернусь. В ее глазах стояли слезы, я видела, чувствовала. Она не играла, ей было больно меня отпускать! И что же случилось?

Как только самолет приземлился в Лондоне, я пыталась ей позвонить. Абонент был недоступен. Я звонила ей раз сто, но результат был один. Спустя пару дней я осмелилась позвонить отчиму. Он ответил сразу, но попросил ему больше не звонить и не беспокоить мать: «Ксения, сосредоточься на учебе. Если она захочет, сама тебе позвонит». За четыре года она так и не захотела. А я звонила, писала письма, но в ответ – тишина.

Спустя два месяца я снова набрала номер отчима:

– Просто скажите, с ней все хорошо!

– Все хорошо, Ксения, она занята. И я. Вроде, просил не отвлекать меня пустыми разговорами. Надеюсь, больше такого не повторится.

И я ему не звонила. Пыталась связаться с дядей Геной, но его номер не отвечал. Несколько раз обращалась за помощью к директору школы. Объясняла, что не могу связаться с родными. Сперва он обещал помочь, а потом деликатно объяснил, что со мной общаться никто не желает, оплата за обучение и проживание поступила в полном объеме и на каникулы мне стоит оставаться в стенах школы.

На связи со мной была только бабушка. Она стала моей отрадой, моим спасением. Родной человек! Ей было важно, как я, что со мной. Она переживала со мной все невзгоды и радости моей новой школьной жизни. С ней я могла говорить обо всем! Она всегда чувствовала, что мне необходимо сказать здесь и сейчас, чтобы за спиной вновь вырастали крылья, а все беды отступали назад. О маме мы старались не говорить. Поначалу бабушка искала с ней встречи, пыталась достучаться до нее, но все тщетно! Ощущение, что отказались от нас обеих, крепло на глазах. Бабуля пыталась не показывать мне, как ее ранило такое отношение дочери, но я чувствовала ее боль, как свою!

Просто у мамы что-то случилось, а может ее заставляет отказаться от меня отчим, говорит ей обо мне что-то нехорошее, а она верит. А может, у нее родилась новая дочка, их общая дочка, и я стала лишней… Боже, сколько оправданий я придумывала, чтобы объяснить ее поведение! Но всегда и во всех своих догадках я считала маму жертвой обстоятельств, верила, что как только мама сможет, она сразу мне позвонит.

И вот сейчас, чтобы остаться в родном доме, я должна отказаться от нее. Разве я смогу? Одно дело отказаться от Соболева – это ерунда! Его имя, деньги, положение в обществе мне не нужны. Он так и не стал мне отцом. Переживу. Я была бы даже рада никогда не видеть и не слышать его. До последнего была уверена, что все мои беды исключительно из-за него. Вот только, как оказалось, мешала я не ему. От меня окончательно решила отказаться мама.

Как это может укладываться в голове?! Как такое вообще можно принять?! Что во мне не так? Что с ней не так?

А может, плюнуть на все и действительно уехать? Продать эту квартиру и перебраться в другой город. Да хоть в тот же Питер. А что? Всегда мечтала там побывать! Зато останусь собой! Зачем мне вся эта ложь и грязь? Что меня здесь держит?

Голова стала похожа на чугунный котелок, тяжелая и пустая. Мне бы только раз поговорить с мамой, увидеть ее, и тогда решение пришло бы само собой! И уехала бы я со спокойной душой, начала бы все с чистого листа. А так… Так, куда бы я ни сбежала, я не успокоюсь. Эти дурацкие мысли и догадки рано или поздно сотрут меня в порошок.

7. Не мышь

– Ксюша, привет! Как настроение? Надеюсь, боевое? За ночь планы не изменились? – Задорный голос Егора в телефоне отвлек меня от печальных мыслей.

Знал бы он, что всего несколько минут назад у меня перевернулась вся жизнь! Что уж там говорить о работе! В эту минуту мне больше всего хотелось свернуться клубочком и отгородиться от всего мира, но только это не выход. Надо взять себя в руки. И начну, пожалуй, с малого!

– Егор, рада слышать! Конечно, все в силе! – Как хорошо, что он меня не видит! Заплаканные глаза никак не сочетаются с бодрым и радостным голосом, но я старалась не выдать себя. С детства не любила показывать окружающим свою слабость и боль. А еще, помню, бабушка всегда учила, когда грустно, верить только в лучшее. Только это помогает не увязнуть в своих проблемах, а шагать вперед. Сейчас это именно то, что мне нужно.

Егор напомнил, какие документы мне с собой принести, во сколько подойти, и, поболтав еще немного, мы попрощались. Еще вчера договорились, что первые несколько дней я буду просто наблюдать за Егором, учиться делать самые простые и популярные напитки. За это время я смогу понять, хочу ли там работать, а он – подхожу ли я ему.

Первый день на новом месте просто обязан пройти на позитивной волне! Раскисать нельзя! Неприятностей в моей жизни хватает, но, как говорится, «Не буду думать об этом сегодня. Подумаю об этом завтра». Чем я хуже Скарлет? Правильно: абсолютно ничем! С боевым настроем вбежала в ванную и… поняла, что из зеркала на меня смотрит какое-то замученное создание: лохматое, с красными, опухшими от слез глазами. С этим надо срочно что-то делать. Бодрящий душ, патчи, немного косметики, и, вроде вполне ничего, я бы даже сказала, совсем не плохо!

Впервые я задумалась о своей внешности накануне своего четырнадцатого дня рождения, когда рассматривала приехавшую в гости девушку Леши. Именно тогда в мою душу закрался червячок сомнения, что я когда-нибудь смогу быть привлекательной. Мысленно я сравнивала себя с ней и проигрывала по всем фронтам: мои мышиного цвета волосы против ее золотистого блонда, обычные голубые глаза против ее огромных карих, не говоря уже о фигуре! Тогда я была очень худой и высокой – какие уж там формы, доска доской! Вот и внушила себе, что на таких, как я, такие, как Леша, внимания не обращают.

В Лондоне переживания на эту тему отошли на второй план, да и сравнивать себя с другими там было бессмысленно. Почти все время мы были в школьной форме: отдельная для учебы, отдельная для спорта, отдельная для праздничных

мероприятий. Строгая одежда, аккуратно забранные волосы, никакой косметики – все мы были одинаково красивые «мышки». Да и учились в нашем корпусе только девочки, мальчишки учились отдельно. Хотя на праздниках мы иногда пересекались.

В выпускном классе раз в неделю у нас была практика. Каждый выбирал свое направление: кто-то проводил этот день в офисах торговых или юридических компаний, кто-то в младших классах, кто-то помогал в хосписах и больницах. Я же выбрала работу в музее. Для немецких, итальянских и русскоязычных групп туристов я проводила небольшие экскурсии, тем самым оттачивая знания языков. И именно в эти дни я стала отчетливо замечать заинтересованные взгляды мужчин, обращённые на меня. Несколько раз знаки внимания уходили чуть дальше взглядов, что казалось мне странным – во мне же ничего особенного, но все же это было приятно. Однажды, разговорившись с моей одноклассницей Мари, я в шутку сказала, что, мол, туристы совсем изголодались, раз меня на свидания зовут. Мари шутку не оценила, но вполне серьезно ответила: «Мне бы твои ноги от ушей и голливудскую улыбку».

Конечно, от ее слов я не стала более уверенной в себе, но все же решила присмотреться к своей внешности. Может, и не все так плохо?

Вот и сейчас я пристально присматривалась к своему отражению. Мне почему-то захотелось понравиться Егору. Хотелось, чтобы он заметил и голливудскую улыбку, и ноги от ушей, и то, что волосы у меня никакие не мышиные, а красивые, длинные, светло-русые. И даже глаза уже совсем не красные, как у кролика, а нежного голубовато-зеленого оттенка. Да, я все еще худая… нет, я стройная! А там, где надо, еще успеет подрасти и увеличиться в размере – вся жизнь впереди!

Осталось собрать все необходимые документы, и можно бежать. Но тут я опять уперлась в стену. Кто я? Все еще Романовская или уже Миронова?

9. Кофеин

Стопка документов, оставленная утренним гостем, так и лежала на столе. Странное чувство: пока ее не трогаешь и не видишь, сохранятся ощущение, что

ничего и не было.

И вот это ощущение я безжалостно разрушила, взяв документы в руки: паспорт, медицинский полис, мой аттестат – все на фамилию Мироновой. Кто она? Я ее не знаю! И, вроде, моя фотография в паспорте, все та же прописка, но это уже не я. Надо же, как быстро, оказывается, можно при желании заменить человека!

Стоп, а это что? Они даже дату моего рождения изменили! Восемнадцать мне исполнилось еще в апреле, а эта, новая я, еще несовершеннолетняя! Как так? Теперь восемнадцать мне только в сентябре. И как, интересно, Егор оформит меня на работу? Получается, я его обманула! Что делать? Закусив губу, я перебирала в руках документы, и вдруг из стопки выскользнула черная карта и такая же черная визитка. Кроме фамилии «Миронов» и номера телефона, на ней больше ничего не было.

– Да, Ксения! – быстро и резко ответил он (впрочем, это его обычная манера разговора).

– У меня есть вопросы… – У меня миллион вопросов, вот только готов ли он ответить честно?

– Было бы странно, если бы их не было. Это срочно или ждет до вечера?

– Не ждет. – Если вопросы о маме и о Соболеве еще могли подождать, то что мне делать с возрастом? В кофейне нужно быть через час.– Мне, по твоим бумагам, всего семнадцать …

– Все верно, тебе семнадцать, и ты теперь под моей опекой. – Об этом я вообще не подумала. Давай, дядя Гена, скажи, что я и жить теперь не смогу отдельно, не то что работать! – Что тебя беспокоит, Ксюша?

– Я планировала устроиться на работу.

– А учиться ты не планировала? Зачем тебе работа? С визиткой я положил карту, хватит на все.

– Мне не нужны чужие деньги. И тот факт, что ты по документам якобы мой отец, таковым тебя не делает, а значит, и отчитываться перед тобой я не обязана. – Я почувствовала, что меня понесло не туда и надо остановиться. Успокоиться.

– Знаешь, что радует меня в этой ситуации?

– Понятия не имею. – И правда, о чем он. Я тут ругаюсь, злюсь, а он откровенно надо мной смеется.

– Тебя пугает возраст, мои наставления, но мысленно ты согласилась на мои условия, ты согласилась стать Мироновой. А остальное, поверь мне, мелочи. Вечером будь дома, вместе поужинаем, я постараюсь тебе все объяснить.

– А что с работой?

– Вечером, Ксюша, вечером. У меня дела. – На этом он просто отключился. Просто взял и сбросил вызов.

И что теперь? Да и с чего он взял, что я согласилась? Ничего подобного! Я просто не успела все обдумать, и решение все еще за мной.

Через час я была в кофейне с бодрящим названием «Кофеин». Небольшая кофейня с летней верандой на четыре столика располагалась в квартале от моего дома. Аккуратная, оформленная в итальянском стиле, она создавала атмосферу уюта и радушия. Сегодня людей было гораздо меньше, может, к вечеру их станет больше.

Егор, как и накануне, стоял за стойкой и готовил ароматный напиток. Пока он меня не заметил, я могла спокойно рассмотреть его. Еще вчера обратила внимание на его прическу. Светлые, слегка вьющиеся волосы не были коротко подстрижены, и отдельные пряди забавно спадали на глаза. Егор частенько поправлял их, мотая головой назад или сдувая. При этом выражение его лица становилось по-детски непосредственным и милым. Высокий и жилистый, он все еще стоял спиной ко мне. На нем была белая футболка, которая слегка облегала его рельефное тело и давала волю фантазии. Егор явно любил спорт. Интересно, какой?

– А ты пунктуальная. – Он повернулся и сразу заметил меня.– Дай мне одну минуту, доделаю «латте» и покажу здесь всё.

Кафе оказалось уютным не только для посетителей, но очень удобным и продуманным местом для персонала. На небольшой кухне пухленький паренек, чуть старше меня, готовил десерты.

– Это Реми, наш шеф-повар, – не без гордости представил его Егор.

– Я бы сказал, что единственный повар в этой дыре, – ворча, но совсем по-доброму, в шутку отозвался Реми. – Рад, что в наших рядах пополнение, тем более такое очаровательное!

– А это Оля, – сказал Егор, указав на влетевшую на кухню миниатюрную девушку. – Сегодня ее смена, а вчера была Женя, она обслуживала твой столик. А это Ксюша, наш новый бариста. Прошу любить и жаловать и не обижать. Реми, замени меня ненадолго, я покажу Ксюше здесь все у нас пока.

– Странное имя – Реми. Он иностранец? – не могла удержаться от вопроса, когда мы проходили мимо кладовой.

– Реми – мой друг, одноклассник и просто чумовой парень. Его настоящее имя – Миша. Но еще со школы к нему приклеилось это «Реми». Он с детства готовит, причем так круто и необычно, что именитые повара отдыхают. Реми – это из мультика, помнишь «Рататуй»? Иначе он себя сейчас называть не разрешает. Да, не проболтайся, что знаешь его настоящее имя, он может и обидеться!

Егор показал мне свой кабинет, комнату отдыха, и затем мы вернулись за стойку в зале. Часа полтора он учил меня основам приготовления кофе. Не думала, что это так интересно! Казалось бы, просто кофе, но столько сортов и вариантов напитка, что голова кругом! Неужели я когда-нибудь это все запомню?

Спустя время на смену Егору подошли двое ребят – Илья и Захар, а мы отправились в кабинет, чтобы, как сказал Егор, уладить все формальности.

– Ксюша, надо заполнить анкету, всё стандартно. – Он протянул мне лист и ручку. – Вот здесь твое имя, паспортные данные, прописка, место учебы и еще

немного на оборотной стороне, а вот здесь – дата и подпись.

Да, всё стандартно: имя, паспорт… но не для меня! А я так ничего и не решила. В сумке, как у отпетого мошенника, лежали два паспорта. Какой достать?

10. Выстрел.

– Я не приняла решение, убеди меня! – откинувшись на спинку стула, с вызовом произнесла я.

Вечером дядя Гена, как и обещал, отвез меня ужинать. Есть совсем не хотелось, еда мне в тот момент была мне совершенно не интересна. Мне нужны были ответы.

В кофейне я решила, что не хочу притворяться и становиться другим человеком. Сколько это продлится – месяц, год, десять лет? Смогу ли я вновь потом стать собой? Не потеряю ли я снова всех, кто станет мне дорог? И больше всего на свете мне не хотелось врать. Пусть с Егором мы были знакомы всего ничего, но начинать общение с обмана я не хотела.

Да и зачем мне все это? Неужели они, и правда, считают, что из-за маминого каприза я решу изменить свое имя и записать в отцы пусть и уважаемого мной, но все же чужого человека?

От заполнения анкеты нас отвлек Реми, сказав, что приехала противопожарная проверка. Егору пришлось уйти, а я обещала заполнить анкету дома.

– Ксения, я же сказал: так надо! – отчеканил дядя Гена.

– Давай начистоту: мне не надо! Надо маме, но мне какое до этого дело? Она бросила меня четыре года назад, впрочем, как и ты.

– Все не так, ты заблуждаешься. – Дядя Гена как ни в чем не бывало спокойно отрезал кусочек стейка и даже не посмотрел на меня.

– Вот и объясни мне. Ты просишь слишком много от меня, но кроме своего «так надо» не можешь привести ни одного аргумента. Зачем это все мне? – Последнее я произнесла чуть медленнее, выделяя каждое слово.

– Ксения, что ты знаешь о своем настоящем отце?

– А это здесь при чем?

Опять он решил сменить тему?

– Повторяю вопрос. Что ты знаешь о своем настоящем… – Договорить он не успел.

– Ничего, я ничего не знаю о своем отце! Кроме того, что мама так его любила, что простила ему все на свете.

– А вот он не простил. Он нехороший человек, Ксюша. Очень нехороший. И ему совершенно не стоит знать, что ты его дочь. По уму, рассказывать тебе все это должен не я. Я же прошу просто довериться мне. – Он смотрел прямо мне в глаза, гипнотизировал, как удав свою жертву.

– Кто должен мне рассказать? Мама?

– Думаю, да, но она не может.

– Почему? Так противно иметь дочь от плохого человека?

– Всему свое время. Не стоит думать так о матери. Повторю, ее вины в том, что сейчас происходит, нет.

– Тогда почему о моем отце говоришь мне ты, а не она? Или мама думает, что если она поговорит со мной хотя бы раз, мой отец сразу меня найдет? Какая глупость! Ну и найдет он меня, что с того? Каким бы он ни был, он мой отец, он не причинит мне зла. Я даже хочу его увидеть.

– Ксения, мама не может сейчас поговорить с тобой. Всё. Точка. А что касается твоего отца, пойми: у него нет к тебе отцовских чувств. Я вообще сомневаюсь, что он способен чувствовать.

– Не укладывается в голове! Дядь Ген, ну как так? Он же мой отец! Зачем мне прятаться от него? Пусть не полюбит, но и обижать меня ему нет никакого смысла. Есть что-то еще?

– Есть. Если он узнает о тебе, я не смогу тебя защитить!

– От кого? От родного отца? Так и не надо! Чего ты боишься?

Повисла пауза. Дядя Гена отвернулся к окну и замер. Казалось, он даже не дышал. Потом тяжело вздохнул и пристально посмотрел на меня. От отчаяния в его глазах у меня по всему телу поползли мурашки. Я чувствовала, он хочет рассказать мне что-то важное, но не решается.

– Ксюнь, ты вчера спросила, куда я пропал тогда, помнишь?

– Да, и ты мне соврал. Ты не был в Москве, да? – решив подтолкнуть его к разговору, еле слышно произнесла я.

– Не был… Помнишь тот день, когда мы виделись в последний раз?

– Наверно, но он мало отличался от остальных. Ты приехал утром, чтобы отвезти меня в школу, но я в тот день неважно себя чувствовала, и мама разрешила мне остаться дома. А потом ты исчез.

– В то утро вместо тебя в машину села Наташа, дочка Галины Юрьевны, она работала у вас на кухне. Мне было по пути, и я согласился подвезти ее до города. Когда мы выехали на трассу, рядом с нами поравнялись два джипа. Нутром чуял: что-то не то. Но они просто ехали рядом – точнее, один рядом, а один прямо за мной. На мосту через переезд из окна того, что был справа, вылез мужик и несколько раз выстрелил по колесам нашей машины. На скорости, конечно, машину резко повело, и мы вылетели с моста. Очнулся я через несколько дней в больнице. Наташа скончалась на месте.

Он замолчал. Говоря о том, что случилось, он заново переживал все те эмоции: страх, боль, вину за гибель Наташи. Хоть я ее почти не знала (дома у нас она редко появлялась, иногда забегала к матери), но мне стало жаль их. Никому не пожелаю пережить подобное!

– Это страшно, очень… и мне так жаль, что все это с тобой случилось. – Я понимала, что должна поддержать дядю Гену, но не находила нужных слов.

– В тот день в машине должна была сидеть ты. – Его слова прозвучали как приговор.

Нет, нет, это все недоразумение! Я смотрела в пустоту и на автомате мотала головой. Кому может понадобиться убивать простую школьницу? Дядя Гена, верно, что-то путает. Это он у нас бывший военный, в кругу знакомых которого много темных личностей, на него и покушались. От этой мысли, конечно, тоже страшно и противно, но хотя бы похоже на правду.

– Поэтому меня отправили в Лондон? Из-за этого случая?

– Да.

– Ничего не понимаю: зачем кому-то убивать меня? – Мой голос предательски дрожал, но желание узнать больше пересилило всё.

– Мы склоняемся к тому, что твой отец хотел таким образом отомстить Екатерине. Все пути вели к нему. И поверь, он бы не остановился. Но во всех сводках сообщалось, что произошло ДТП по вине водителя, не справившегося с управлением. Водитель остался жив, а пассажирка, молодая девушка, погибла на месте. Максим решил, что на этой волне и надо вывезти тебя за границу. Твой отец в тот момент был уверен, что его план сработал. Тебя больше не было, месть удалась. Для него ты погибла в той страшной аварии. А о том, что ты в Лондоне, знали лишь мы.

В моей голове начал складываться пазл: зачем меня увезли, почему не звонили и для чего теперь мне становиться якобы дочерью Гены. Но мысль, что родной отец хотел меня убить, разрушала сознание. Я четыре года не могла поверить, что мать отказалась от меня, а сейчас должна поверить, что делала она это только для того, чтобы родной отец не довел начатое до конца!

– Это не может быть правдой! – Глаза застилала пелена слез, а внутри все сжалось в комок. Я не хочу в это верить, я не хочу знать, что самые родные люди могут быть настолько жестокими. – Пожалуйста, разреши мне поговорить с мамой! Я сделаю все, что скажешь. Буду кем угодно! Но сначала, мне необходим разговор с ней! Это все, о чем прошу тебя!

11. Папочка

Около девяти вечера мы подъехали к моему подъезду. Всю дорогу дядя Гена молчал, и было видно, что он ушёл в себя. Мне хотелось поговорить с ним, точнее, меня пугала тишина. От нее в голову лезли страшные мысли, а я их не хотела. Во мне поселилось новое, незнакомое до этого чувство – страх. Что я там говорила о лжи, о том, что я взрослая? Сейчас мне как никогда хотелось стать маленькой, прижаться к маме и никогда не быть дочерью своего отца.

– Думаю, тебе стоит какое-то время пожить у нас. Конечно, если ты все еще планируешь оставаться в городе.

– Я не знаю… – Сейчас перспектива остаться одной дома меня пугала: я же от каждого шороха буду вздрагивать. – А Софья Александровна не будет против?

Жена дяди Гены всегда мне очень нравилась. Добрая, кроткая, нежная, она всегда была полной его противоположностью, и не только по характеру. Она была миниатюрной и очень стройной. Когда они вместе приезжали к нам, мысленно я всегда называла их Дюймовочкой и Великаном. Но при всех различиях они всегда казались единым целым, а их нежность и забота друг о друге были видны невооруженным глазом.

– Софа с сыном в Испании. Ты им точно не помешаешь. Тем более, это ее идея.

– Тогда поехали, мне боязно оставаться одной.

– Ксюш, люди Максима следят за Николаем, пока нет причин волноваться. Но все же и тебе, и нам будет спокойнее, если ты будешь под присмотром.

Мы вместе вошли в квартиру, где я собрала самое необходимое на первое время, а затем уехали к Мироновым.

Дядя Гена с женой и восьмилетним сыном Гришей жили в центре города, в престижном и современном жилом комплексе. В их распоряжении была просторная квартира с огромной кухней-гостиной и несколькими комнатами. Мне выделили небольшую уютную комнатку, где обычно останавливалась бабушка Гриши.

– Располагайся! В доме всё в твоем распоряжении, если что-то будет нужно, скажешь. – С этими словами дядя Гена вышел из комнаты, а я осталась наедине со своими мыслями.

Ворочаясь и прокручивая в голове вечерний разговор, я долго не могла заснуть. Что же мне делать? Может, мне лучше уехать? Но я не могла, не сейчас, не до разговора с мамой. Я должна ее выслушать, сейчас этого разговора я хотела больше всего на свете! Что такого ужасного она совершила, чтобы мой отец захотел отомстить подобным образом, и почему она не может мне все объяснить?! На мою просьбу поговорить с ней дядя Гена ответил, что сейчас это невозможно. Он не вдавался в подробности и просил меня подождать. Я ждала четыре года, смогу и еще немного потерпеть!

Утром я проснулась разбитая, с ощущением, будто по мне за ночь проехало с десяток грузовиков. Еле поднявшись с кровати, я отправилась на кухню, где дядя Гена уже вовсю жарил яичницу.

– Доброе утро! Могу я помочь?

– Доброе утро, соня-засоня! Завтрак уже готов. Шустро едим, да мне пора на работу. Кстати, расскажи, куда ты там собралась устроиться?

– В кофейню недалеко от дома, помощником бариста. Это тот, который кофе варит, – зачем-то решила уточнить.– А еще с мальчиком одним английским занимаюсь.

– Понятно. Знаешь, я не очень поддерживаю совмещение работы с учебой, но пока лето, работай. Только давай имя свое не свети. Кофейне твоей без разницы, Романовская у них работает или Миронова, а для тебя вопрос жизни и … короче,

ты меня поняла.

– Этой Мироновой всего 17…

– И что? С шестнадцати у нас можно работать, и, заметь, без письменного согласия родителей. Так что, если будут возникать вопросы, посылай ко мне. Договорились?

– Я не знала…

– Ну, теперь знаешь. И еще, Ксения: раз уж я тебе теперь за отца, называй меня соответствующе. А то все «дядя Гена», «дядя Гена». Спалимся на раз-два с этим «дядей Геной». Не можешь «папа» – зови просто «Гена». Уяснила?

– Да… папочка. – Почему-то сразу на лице расцвела улыбка. Пусть выдуманная, пусть временная, но за последние несколько лет у меня вновь появилась семья. – Получается, Соболев все это время меня не ненавидел? И мама… А ты? Ты же рискуешь, прикрывая меня? Если он узнает, что ты … Ты Гришку с женой поэтому увез?

– Стоп, Ксения! Хватит на сегодня вопросов, да и на завтра тоже! Мне, правда, некогда. Но в одном ты права: Максим никогда тебя не ненавидел, как и Катя.

Он вышел из кухни, и через десять минут щелкнул замок входной двери. Он ушел. Я осталась одна. И опять мне стало не по себе. Понимая, что в этом доме я в безопасности, всё же не могла перестать бояться. А еще не могла не прокручивать в голове все, что узнала. И с каждым разом вопросов все больше и больше! Например, почему я не могу поговорить с мамой? Или зачем Гена так рискует ради меня, особенно после того, как однажды уже пострадал по моей вине? Кто мой отец? За что он так нас ненавидит? И что будет, когда он узнает, что я не погибла в той аварии?

Последний вопрос пугал меня больше всего. За это время его обида уже могла остыть, желание мести испариться, и тогда вся эта опасность – не более чем выдумка. Но в чужую голову не залезешь. Вдруг, узнав, что его обманули, он обозлится еще больше? Гена сказал, что пока он ничего не знает и я могу не переживать. Но он прав: только от моей осмотрительности теперь зависит моя жизнь и безопасность Мироновых и Соболевых.

12. Штиль

Всё лето я прожила в квартире Мироновых. День за днем страх отступал все дальше. Нет, я не переставала думать о своем положении, мечтать увидеться с мамой или стать невидимкой для отца, но мое отношение ко всему стало спокойнее. С Геной мы быстро нашли общий язык, и наше совместное проживание было легким и комфортным. Через пару недель после того, как я переехала, с отдыха вернулись его жена и сын. Софья Александровна приняла меня, как родную. Как бы я ни пыталась вернуться к себе, чтобы не мешать их семье, она меня не отпустила. А с Гришей мы вообще крепко сдружились. Я помнила его совсем малышом. Теперь же с ним можно было поболтать почти на любые темы, вместе посмотреть кино, поиграть в приставку. С Гришей время пролетало незаметно, а вместе с тем из головы на время исчезали все гнетущие мысли.

Каждое утро мы вместе готовили завтрак и все дружно собирались за столом. Пожалуй, это было единственное время, когда мы были все вместе. Днем все разбегались по своим делам. А вечером мы обычно ужинали без Гены: он возвращался с работы почти ночью.

Раньше Мироновы часто приезжали в особняк Соболева, а Софья Александровна была в очень хороших отношениях с мамой. Несколько раз я пыталась завести с ней разговор о маме, но обычно сразу замечала печальное выражение ее глаз, и наша беседа заканчивалась всегда одним и тем же: «Ксюша, мы сейчас не видимся и не общаемся. Я ничем не могу тебе помочь». В том, что Гена часто бывал в доме Соболева, я знала точно. Вот только жену с собой он больше не брал.

Однажды я сорвалась. По пути на занятия с Матвеем не удержалась и зашла в мамин бьюти-центр. Меня встретила девушка-администратор и деликатно сообщила, что Екатерина Михайловна здесь практически не бывает. Оставался только особняк Соболева, чтобы найти ее, однако Гена настоятельно просил не рисковать и не появляться там. Но терпение у меня не резиновое, и я решила, что если в ближайшее время мама не выйдет на связь, придется наплевать на все обещания и поехать к ней домой.

Три раза в неделю по утрам я продолжала заниматься с Матвеем. За это время он не только догнал школьную программу, но и хорошенько подготовился к новому учебному году. Если вдруг он опять заболеет, так сильно уже не отстанет. Родители Матвея хотели, чтобы и во время его учебы наши занятия не прекращались, но, понимая, что я тоже скоро начну учиться, особо не настаивали.

Все остальное время я проводила в «Кофеине». Егор многому меня научил, и теперь я могла брать самостоятельные смены, а не только помогать ему. Работа в кофейне доставляла мне несказанное удовольствие. Мне нравилось учиться новому, общаться с посетителями, да и просто ощущать себя частью небольшого, но очень дружного коллектива. С Егором у нас ничего не получилось, но мы стали неплохими друзьями. Как оказалось, у него давно была девушка, а то, что я сочла за флирт, было просто дружеским вниманием. Аня, его девушка, была очень симпатичной и приятной в общении. Она часто зависала с нами в кофейне после закрытия, и постепенно мы с ней сдружились. А еще с Реми. Он оказался душой компании: всегда веселый, остроумный, интересный собеседник. Мы часто созванивались, могли часами болтать почти ни о чем, а еще он всегда был рядом со мной в кофейне, стал моим ангелом-хранителем. Если возникали сложности, недоразумения с гостями, Реми умудрялся свести конфликт на нет и помогал выйти из любой ситуации с высоко поднятой головой.

Проблем с моим возрастом, конечно, не возникло. Зря я себя накручивала и переживала. Вообще тот факт, что я стала Мироновой, никак не отразился на моей жизни. Гена был прав: всем вокруг было без разницы, Миронова я или Романовская. Это был лишь вопрос моей безопасности.

Через несколько дней начиналась учеба в университете. Ребята из кофейни по этому случаю решили собраться в клубе, понимая, что потом, совмещая учебу и работу, выбраться куда-нибудь всем вместе будет не просто. На вечер был забронирован столик в местном модном клубе «Розмарин». По словам ребят, место пафосное и дорогое, где обычно собиралась золотая молодежь нашего города. В этот вечер там к тому же играл какой-то известный столичный ди-джей, а потому попасть туда было очень сложно. Выручил Егор. У него были знакомые в администрации клуба, а потому столик в крутом месте был за нами. Честно говоря, мне не приходилось бывать в подобных заведениях. Пару раз Аня звала меня провести вечер в клубе или баре, когда они выбирались туда с Егором, но я все время отказывалась. Здесь же увильнуть не получилось.

И вот я в шоковой заморозке стояла перед зеркалом, глядя на свое отражение. Аня решила помочь мне собраться и захватила пару своих платьев, поскольку в моем гардеробе, кроме толстовок и джинсов, было трудно найти что-то еще.

– Ты уверена, что это можно носить? – Мне казалось, что я стою перед зеркалом голая. Да, на мне было черное платье по фигуре без рукавов и со скромным вырезом-«лодочкой». Но его длина!.. Мои футболки явно были более целомудренными, чем это платье.

– Ксю, да у тебя же ноги от ушей! Кому, как не тебе, такие платья носить! Тем более, в клуб идем, а не в драмтеатр, – не унималась Аня. – Нет, ну можно голубое оставить, тем более, там такой вырез… м-м-м!

– Ань, ты издеваешься? Да Гена, меня за порог в таком не выпустит!

– Ксю, давно хотела спросить: почему ты отца по имени зовешь?

– Не знаю, так повелось… – Ненавижу врать, но не правду же ей говорить.– Я в Лондоне долго училась, виделись мы редко, так он и стал постепенно Геной.

– Понятно. Классный у тебя папа, Ксю! – подмигнула подруга. Это точно, такой классный, что убить меня хотел! Хотя речь же идет о Гене, а не об отце…

– А вот давай у него и спросим, раз он такой классный, какое платье выбрать – черное или голубое. – Я решила раз и навсегда закрыть тему о моем отце.– Гена, можешь зайти?– сказала я громко, чтобы создать впечатление, что зову его. Хотя знала, что слышимость из моей комнаты никакая и никто не придет. Но захотелось немного подшутить над Аней. Сработало.

– Погоди, – засуетилась подруга. – Нас же так никуда не отпустят! Не кричи! Уйдем по-английски.

– В этом? – спросила я, указав на себя. – В этом я сама никуда не пойду.

– Пойдешь, – твердо ответила Аня. – Хватит прятать себя от мира. Ну, серьезно, ты же красавица! Взгляни на себя! Ну, давай же!

Она вновь подвела меня к зеркалу и продолжила осыпать комплиментами, лишь бы я перестала сопротивляться. Она и сама была в короткой юбке и облегающем топе. Наверно, в клубах примерно так все и выглядят, но мне было некомфортно.

– Смотри, если остановиться на черном платье, но к нему взять не шпильки, а твои белые кеды, вот ту белую бейсболку и этот винтажный браслет, то получится совершенно другой образ. Сейчас слегка подзавьем твои волосы, и, поверь, наши все с ума сойдут!

Спорить с Аней мне не хотелось. С кедами платье действительно смотрелось не так откровенно, да и мне было удобно. Через час за нами заехал Егор, и мы отправились отдыхать.

13. Он

Суета, неон, басы.

Темнота и сжатый воздух.

Хаотичное движение людей.

Боже, куда я попала! Никак не могла сориентироваться, поэтому держалась за Анину руку, как за единственный спасательный круг. Мы всё куда-то шли: бар, коридор, танцпол, лестница, еще один бар… Дым от электронных сигарет, а может, от кальяна… Постоянное движение людей… Сколько же их здесь, и куда они все идут? Наконец, нашли свой столик. Под нами танцпол, второй этаж, наподобие огромного балкона, обнимает его сверху буквой «П». Один край нашего стола упирался в перила, вокруг остальных стояли диванчики. Все наши уже здесь. На столе коктейли, пиво, немного еды.

– Ксю-Ксю, ты ли это? Вот это да, детка, ты просто огонь!– Реми встал и чмокнул меня в щеку, а потом добавил шепотом: – Садись со мной и перестань бояться, я никому не дам тебя в обиду!

Я лишь благодарно кивнула и села рядом. С другой стороны устроились Аня с Егором. Музыка оглушала. Мне она не нравилась, к ее громкости я не могла привыкнуть. За столом тоже было шумно, все пытались перекричать творение ди-джея, чтобы и их услышали тоже. В голове всё смешалось: голоса, вибрация басов, звон посуды.

– Эй, Ксю не наливать! – Голос Реми пробился сквозь ураган других звуков. – Хочешь, возьму в баре что-то легкое для тебя?

– Да, давай. – Я была благодарна ему за то, что помнит и заботится. Реми знал, что я не пью ничего, кроме шампанского, и то совсем немного. От большего количества у меня сразу начинает болеть голова, и мне становится совсем плохо. Остальные не в курсе, но, помня, что мне еще семнадцать, не настаивали.

Вскоре официант поставил передо мной высокий бокал с полосатым коктейлем, украшенным долькой апельсина.

– Он безалкогольный! Не переживай! Лучше расскажи, как Анька умудрилась сделать из тебя такую сексуальную красотку? – Реми, как всегда, был в своем репертуаре.

Ему удалось-таки вернуть меня в нормальное состояние. Паника отпустила, и я снова смогла спокойно дышать, болтать, смеяться. В этой компании мне было легко и весело. Я постепенно привыкла к шуму и суете и осматривалась. На танцполе под ритмичные биты скакал народ. Я бы так не смогла. Никогда не танцевала на людях. В Лондоне занималась хореографией, но здесь она явно неуместна.

– Погоди, это еще не Пит играет. Паренек местный на разогреве, – словно прочитав мои мысли, сказала Аня. – Согласись, как табун лошадей скачут? Хотя под такое нельзя иначе, конечно. Пойду в туалет, не хочешь со мной?

Отрицательно помотав головой, я села на самый край, к перилам. Прямо подо мной был первый этаж. Медленно обведя глазами танцпол, зону бара, стала внимательно рассматривать молодого ди-джея. Рядом с ним на огромных бочках красиво танцевали девушки в откровенных костюмах. Подняв взгляд, принялась изучать второй этаж. Здесь были только столики, никто не танцевал. По центру располагался небольшой бар, возле которого толпился народ. Люди за

столиками шумели, разговаривали, провозглашали тосты, смеялись. Только один столик напротив нашего был погружен в сумрак. Над каждым столом на втором этаже висела лампа, освещающая гостей. Там же она не горела.

– А-а-а-а, началось! – Реми толкнул меня в бок.

– Что? – Я не могла понять, о чем он.

– Пит! Детка, это Пи-ит! Я пошел в отрыв, увидимся на танцполе! – Реми быстро вскочил и стал протискиваться к лестнице на первый этаж.

Ну, Пит, и что с того? Я сомневалась, что сейчас что-то сильно изменится – просто новый ди-джей будет бить по ушам своей якобы музыкой.

Чуть перегнувшись через перила, стала свидетельницей настоящей вакханалии, происходившей внизу: казалось, народ просто сошел с ума, все прыгали и кричали: «Пит! Пит! Пит!». Прямо безумие какое-то! Я не представляла себе, как здание выдерживает эту беснующуюся толпу, но всё вокруг вибрировало и тряслось. И вдруг резко всё стихло, погас свет, чтобы взорваться новыми звуками и ощущениями. Судя по всему, за пультом появился самый долгожданный Пит. А я начала понимать, чего все ждали. В отличие от местного юного дарования, игравшего до этого, музыка Пита действительно таковой и оказалась. Она обволакивала слух, ласкала его. При этом тело начало непроизвольно двигаться в такт. И, вроде, играл он что-то знакомое, но приходит понимание, что слышишь это впервые. Но то, что я слышала, было так близко и по душе, что хотелось раствориться в этом ритме. Это был настоящий кайф! Я и не заметила, как начала улыбаться.

Подняв глаза от танцпола, я остановила взгляд на пустующем столике. Там все так же не горел свет. Сначала я решила, что там никого пока нет, но теперь отчетливо разглядела парня, сидевшего так же, как и я, только в темноте. У него были темные, почти черные волосы, на нём – черная футболка. Он устремил взгляд на меня.

14. Эйфория

– Ксю-у-у-ша! Ксюш. – Ладонь Егора легла на моё плечо. – Куда Аня ушла, не знаешь?

– А-а-а… что? – Я так увлеклась, что не сразу услышала его. – Вроде, в туалет ушла, она тебе не сказала?

– Да я с Илюхой заболтался. А ты чего зависла?

– Не знаешь, почему за столом напротив нет света, а посетители есть?

– Где? – Егор бросил взгляд через мое плечо. – А, там? Так это место Тимура Черного и его команды. У них всегда темно, хотя сегодня Черниговский, вроде, один.

– Черниговский?

– Ну да, его отца ты наверняка знаешь. На каждом столбе его фото. «Депутат Федор Черниговский – надежда на светлое будущее России!» – Егор явно смеялся над этим. – Владелец заводов и пароходов, а в прошлом – главный бандюга в нашем городе. Вот неужели думает, что все забыли, что он раньше вытворял? Хотя, конечно, после той трагедии в его семье люди прониклись жалостью, особенно пенсионеры. Видимо, на них весь расчет!

– Какой трагедии? – Я не знала никакого Черниговского. Где я и где политика? Да и в город вернулась совсем недавно, а до отъезда меня криминальные новости мало интересовали.

– Да там разборки двух авторитетов шли, неужели не слышала? Я, конечно, подробностей не знаю, но говорили, что за год почти всю его семью грохнули. И главное – все знали, чьих рук дело, а доказать, вроде, так и не смогли. Это года три назад было.

– Всю семью?! – Мир однозначно сошел с ума. Что происходит с людьми, если они запросто лишают жизни других?! Кто дал им такое право – решать, кому жить, а кому нет?!

– Ага, Тимур один остался. И говорят, что всё из-за того, что не родной он Федору, от какого-то там брака пасынок. А то его бы тоже… того… ну, ты понимаешь… – Егор ненадолго замолчал. Было видно, что тема ему неприятна. – Ксю, да ты в инете почитай! Зачем вечер страшилками портить? Пошли лучше танцевать, а то Анька, вон, без меня отжигает!

– Я потом, иди один. – Егора не надо было уговаривать, он практически сразу сорвался с места и убежал. А мой взгляд вернулся к темному столику. Вот только там уже никого не было.

Танцевать мне не хотелось. Рассказ Егора разбудил моих личных демонов. И мне вдруг тоже захотелось погасить свет и стать незаметной перед лицом опасности.

Минут через десять ко мне подсел Реми. Он запыхался, вспотел, но выглядел довольным, словно кот у банки со сметаной.

– Ксю, Ксю, Ксю… это просто анреал! Ну почему ты сидишь здесь? Ладно, Женька с Захаром сидят, у них любовь-морковь, а ты чего сохнешь? – Женя бросила на Реми недовольный взгляд. Еще бы, эти двое уверены, что мы ни сном ни духом об их отношениях, а сами каждую свободную минуту так и льнут друг к другу! А в полумраке – особенно. Я и сама чувствовала, что мешаю им. Но когда и Реми это заметил, мне особенно захотелось их оставить наедине.

– Ксю, сейчас воды попью, и мы с тобой на танцпол! И попробуй возрази! Через плечо перекину и на руках унесу! – Пил Реми жадно, как будто только что пробежал стометровку. Вот они, сладости в неограниченных количествах!

– Только попробуй! Я же испугаюсь, закричу… А вдруг со страха и по имени тебя назову! Весь твой французский шарм ненароком разрушу перед поклонницами. – Я знала, что Реми терпеть не мог, когда я называла его Мишей, поэтому частенько подкалывала его по этому поводу. – А если серьезно, я не умею, как вы. Все же смотрят, неудобно!

– Неудобно будет лежать на моем плече попой кверху, если мне придется все же тебя нести! Поверь, все внимание окружающих будет сосредоточено на твоей аппетитной пятой точке, и что ты там будешь кричать – дело второстепенное. Пошли, давай, стеснюша, научу всему!

Реми привел меня в самый центр зала. Вокруг все танцевали в такт игравшей музыке, а я стояла. Мне нравилось то, что я слышала. Умом-то я понимала, что никому до меня не было дела, но пересилить себя не могла. Не знала, как двигаться, что делать.

– Закрой глаза. – Реми обнял меня сзади за плечи и тихо прошептал: – Представь, что кроме тебя здесь никого нет. Ты одна. Отпусти свое тело! Ему не нужна голова, чтобы отдаваться музыке.

Я сделала, как сказал Реми. Закрыла глаза, выдохнула. Некоторое время постояла так, а потом ощутила, что меня начинает отпускать. Музыка звучала внутри меня, наполняя собой каждую клеточку тела. Я забыла, где нахожусь. Мне стало безразлично, что рядом полно других людей, что они могут на меня смотреть. Я танцевала – точнее, не так: мое тело плыло в нежном ритме музыки, я растворялась в ней. Руки непроизвольно поднялись вверх, тело начало плавно изгибаться. Мне было так хорошо! Как же хорошо!

Сколько длилась моя эйфория, сложно сказать . Но в какой-то момент я поняла, что руки Реми давно меня отпустили. Мой танец – это только моё! Я открыла глаза, чтобы тут же снова зажмуриться.

Прямо передо мной стоял он –тот самый парень из темноты. Тимур. Весь в черном, он стоял неподвижно. При свете неона я могла рассмотреть его немного лучше. Темные волосы были небрежно причесаны, на щеках – легкая небритость. Глаза его были черные, как смоль. На шее и на правой руке виднелись огромные татуировки. Я не смогла рассмотреть рисунки, но они были выполнены очень красиво. Он просто стоял напротив и смотрел на меня в упор. От его тяжелого, пронизывающего взгляда мне стало не по себе. Я забыла о том, что еще секунду назад чувствовала себя легко и свободно, и мне захотелось убежать, спрятаться от его взгляда. Но вместо этого замерла на месте и стояла, глядя ему в глаза. Зачем – сама не знала, но чувствовала, что иначе не могла.

Никто из нас не отступал. Ни он, ни я не отводили взгляд. Он шагнул вперед, ко мне. Было ли мне страшно? Нет, не так: внутри всё замерло. Тем не менее, мне хотелось продолжения.

В этот момент кто-то схватил меня за руку и потащил к выходу. Это была Аня. Откуда она взялась, зачем увела меня, я не могла сказать, но пошла за ней.

Наверно, оно и к лучшему. Меня пугал этот парень. Нет, опять не то: меня пугал не сам парень, а моя реакция на него.

Я ушла, не оглядываясь, но чувствуя спиной его взгляд – колючий, обжигающий, опасный.

15. Вендетта. Тимур

Я искал ее три года! Три чёртовых года! И только одно потертое фото! Любительский снимок девочки-подростка. Я прошерстил весь город, все социальные сети, чтобы найти ее. Ни имени, ни адреса, ни одной зацепки, как будто ее и не существовало никогда. И только слова отца в голове: «Кира погибла из-за нее». Пьяное откровение, о котором наутро он и не вспомнил!

Зачем он отдал мне это фото? Чтобы я страдал, чтобы боль уничтожила меня окончательно? В душе он ненавидел меня! Если бы он только мог выбрать, кому из нас умереть, Кира была бы жива! Хотя я бы тоже выбрал ее.

Три года… Одно фото… Но я ее нашел. Это она! Моя цель, моя вендетта! Сомнений нет! Глаза, улыбка, форма подбородка, волосы. Сколько за это время через меня прошло ее копий – русых, высоких, голубоглазых! Пацаны шутили, что это мой фетиш! Я наказывал каждую за Киру. За то, что они – не она

В «Розмарин» я пришел по делу. Все как обычно: наш стол, сумрак, виски. Артур задерживался, а я тупо ждал. Ее я заметил не сразу: сегодня было слишком многолюдно. Московский ди-джей, и все тут же потекли. Бросил взгляд вниз, в поисках Артура, но там черт ногу сломит. Легче набрать. Звонок, гудки… Случайно подняв голову, увидел ее. Мой радар на ее черты сработал безотказно. Это она! Не копия, не подделка! Она смотрела по сторонам, как будто впервые попала в клуб. И тут она подняла взгляд на меня и долго не отводила его. «Интересно, что она чувствует? Как и остальные глупые мотыльки, полетит на огонь? Давай девочка, покажи свою сучью натуру. Вижу, зацепил. Давай, иди сама в лапы зверя!» – думал я.

– Артур, не приезжай! Планы изменились. – Его ответ мне не был нужен, и мне было безразлично, что он приехал за пять тысяч километров, чтобы решить нашу общую проблему. Но поставить друга в известность – дело чести.

Пока набирал Артура, девчонка исчезла. Нет, детка, ты больше от меня не уйдешь. Живой – точно!

Осмотревшись, нашёл ее на танцполе. Какой-то жирдяй пристроился к ней сзади и что-то шептал на ухо. Пора мне забрать свое! Пока спускался, толстый испарился. Подошёл поближе. Девчонка с закрытыми глазами извивалась под биты, как кошка. Красивая, сексуальная… за пару секунд представил, в какой позе она будет вымаливать мое прощение. Открыв глаза, она окаменела, как и товарищ в моих черных джинсах. Давай, девочка, играй, твой ход! Как вы там обычно делаете, чтоб партию повыгоднее зацепить: губки уточкой, жопка домиком. Но она стояла и немигающим взглядом смотрела на меня. Она не пыталась уйти, но и ближе не подходила. Я решил подойти сам. Шаг, второй… осталось только протянуть руку и забрать добычу… Но меня опередили.

16. Нервы

– Как прошел вечер? Поздно вернулась?

Мы готовили блинчики на завтрак. Софья Александровна как раз переворачивала очередной, а я накрывала на стол.

– Не очень поздно, Гена еще не спал.

– Он волновался, давно его таким не видела. Даже боюсь представить, что с ним будет, когда Гриша подрастет! – Она мягко улыбнулась, а в глазах её сияла безграничная любовь к своим мужчинам. – Так как всё прошло? Понравилось?

– Понравилось. Хорошо отдохнули. Реми проводил меня до самой двери, так что Гена зря переживал.

– Утро доброе! За что я зря переживал? – Гена поцеловал жену в щечку и уселся за стол. – Блины? Уважаю! Ксюнь, захвати сметанку! Так о чем я там переживал?

– Ксюша рассказывала, как прошел вчера вечер… – начала Софья Александровна.

– Да не стоило волноваться, все было хорошо, спокойно. Мы очень весело посидели, я даже немного потанцевала. А потом Реми меня проводил, как и обещал. – Мне, и правда, понравился вечер.

После танцпола мы еще долго сидели все дружно за столиком и общались. Компания у нас подобралась веселая, шумная. Ребята постоянно шутили, рассказывали забавные случаи из студенческой жизни. А потом мы с Реми ушли, а они остались. Я знала, что Гена не уснет, пока я не вернусь. Он несет ответственность за мою безопасность. А мне не хотелось волновать его больше, чем оно того стоило. Поэтому в начале первого я была уже дома.

Августовские ночи были еще теплыми, поэтому от клуба до моего дома мы решили прогуляться пешком. Реми был молчалив и задумчив, и мне не хотелось нарушать тишину пустой болтовней. У моего дома он резко остановился и посмотрел на меня.

– Ксюш, пообещай мне, что будешь осторожна!

Что он имел в виду? Да и вид у парня серьезный и озадаченный.

– О чем ты, Реми?

– Черниговский. Я вас видел. Знаешь, дурная репутация этого парня бежит впереди него. И это не просто слова. Ломать людей – его хобби! Не хочу, чтобы он сделал тебе больно. А иначе он жить, поверь, не умеет.

– Ты с ним знаком?

– Нет, но … – Реми замолчал. – Я видел, что он делает с людьми.

Рассказывать Гене о Черниговском я не стала: к чему ему лишние переживания? Да и то, что мы еще когда-нибудь пересечемся, казалось мне невозможным. Но все же Гена выглядел обеспокоенным, хоть и пытался скрыть это от нас. Я понимала, что дело тут не только во мне.

Обычно по субботам Гена отвозил сына к бабушке на все выходные. Сегодня же, сославшись на неотложные дела, он заперся в своем кабинете, а Гриша уехал с мамой. Как ни старался Гена делать вид, что ничего не происходит, я видела, точнее, ощущала его напряжение. Может, проблемы на работе? Но работал Гена по большей части на Соболева, а значит, не все гладко в его королевстве. И как бы я ни злилась на отчима, проблем ни ему, ни маме я не желала.

Просидев в своей комнате пару часов, я решила заглянуть к Гене. Может, он освободился? Мне хотелось еще раз поговорить с ним о маме, но удобный случай все никак не представлялся.

Дверь кабинета была прикрыта, но не полностью. В темный коридор через дверную щель падал небольшой лучик света. Судя по игре теней, Гена ходил по кабинету и с кем-то общался по громкой связи, так как послышался чужой, но смутно знакомый голос. Знаю, что подслушивать плохо, стыдно и всё такое, но мое любопытство в этот момент зашкаливало, и уйти я просто не смогла.

– Да ты пойми, никто не ожидал, что так получится! Нам же говорили, что без вариантов, ничего не обещали. А тут такое! Он сидит с ней днями и ночами! Я, конечно, поговорю с Софой, но возникнет слишком много вопросов. Да и Ксения на мне, а у меня нехорошее предчувствие, не могу я сейчас ее одну оставить! – О ком и о чем говорил Гена, я не поняла, но зато смогла четко различить голос его собеседника.

– Я приеду. Дел сейчас не так много, на пару месяцев смогу выбраться. – Я узнала голос Леши. Значит, я была права: в семье Соболевых что-то случилось. Со слов Гены, Леша давно уже жил в Москве, открыл там свое дело и приезжал к отцу крайне редко. Что же должно было случиться, чтобы он вернулся на целых два месяца?

– Спасибо, Лёш. Отцу сейчас непросто, но такой шанс он не упустит: и так ждал слишком долго! Твоя помощь ему будет как нельзя кстати! – Голос Гены звучал устало, и я поняла, что ему точно сейчас не до меня.

На цыпочках, как можно тише, я вернулась в свою комнату, чтобы из раза в раз прокручивать в голове услышанное. Вот только пазл никак не складывался. Видимо, разговора с Геной не избежать. Поставлю перед фактом, что всё слышала, и пусть уже расскажет. А то Леша всё знает, а я нет. А если поговорить с братом? Позвонить я ему не могла, номер он сменил, как и все. Но он же скоро приедет, а прямого запрета на мое общение с ним от Гены не поступало. С этими мыслями я начала собираться на вечернюю смену в кофейню.

Я уже хотела уходить, как меня окликнул Гена. Он как раз вышел из своего кабинета.

– Ксения, погоди, не убегай. Разговор есть, – произнёс он тоном, не терпящим возражения.

– У меня есть минут десять в запасе, а так я в кофейню спешу.

– Поехали, подброшу, заодно и поговорим.

Гена взял ключи от своей машины, и мы вышли из дома. Всю дорогу до парковки он не произнес ни слова. А я сомневалась, говорить ему о том, что услышала, или нет. Вдруг он и сам мне сейчас расскажет об этом? Тогда мне не придется признаваться, что я подслушивала. Мы все так же молча сели в машину и поехали.

– Вчера, когда ты ушла, кое-что произошло. – Гена крепко сжал руль, и мне показалось, что он волнуется. Неужели он сам все расскажет? – Я беспокоюсь о тебе и хочу попросить на время приостановить работу в кофейне.

– Гена, что случилось? – Его голос не внушал оптимизма, и я заволновалась.

– Твоя мама вернулась в город.

– И что? При чем здесь я? Она и раньше, наверно, уезжала и приезжала. Что изменилось?

– Ее не было в стране последние три с половиной года. Я не знаю, как отреагирует Николай, и не хочу рисковать тобой.

– Мама уезжала? Так вы ее тоже прятали? От него, да? Теперь мне можно к ней? – Такого я не ожидала. – А если она…

– Нет! – перебив меня, грозно отчеканил Гена.

– Что значит «нет»? – О чем он? Они ее не прятали, или мне все еще нельзя к ней? Но Гена молчал. – Ген, что нет? Мне к ней нельзя, да? Почему?

– Сейчас это опасно. И бесполезно.

– Это же моя мама! Как ты можешь?! «Бесполезно» – слово-то какое! Если бы ты не видел Гришу четыре года, тоже бы считал встречу с ним бесполезной? – У меня сдали нервы, и я больше не могла сдерживаться. Хотелось остановиться, честно. Но всё, что накопилось на душе, рвалось наружу. Что потом? Не важно! Сейчас я хочу, чтобы Гена меня услышал! – Я больше так не могу! Ты три месяца кормишь меня обещаниями, что вот-вот я поговорю с мамой! А сейчас выясняется, что она здесь, рядом, а мне все равно к ней нельзя! Леше можно, а мне нельзя! Хотя Леше она даже не мать! Нельзя к маме, нельзя в кофейню, нельзя вернуться к себе… что еще нельзя?! В универ ты мне тоже запретишь ездить?! А дышать вообще можно?! Ты заигрался! Ты мне не отец, в конце концов!

– Ксения! – рыкнул Гена.

Он был в ярости. Резко остановившись на обочине, вышел из машины и закурил. Я сидела, смотрела в окно, но ничего не видела. Глаза застилали слезы. Крепко обхватила руками себя и мысленно начала считать, чтобы хоть немного успокоиться. Мне следовало извиниться, так как я была не права. Моей грубости не было оправдания! Но я понимала, что если признаю вину сейчас, он сочтет, что я забрала все свои слова назад, что можно и дальше мне все запрещать под благовидным предлогом моей безопасности. А я хотела сдвинуть эту гору с мертвой точки.

Гена докурил, выбросил окурок и вернулся в салон, но ехать не спешил. Руки его лежали на руле, взгляд был устремлён вперед. Чувствовалось, что он весь напряжен. Я не знала, что делать, и боялась не только что-нибудь сказать, но даже посмотреть на него. От него все еще исходила ярость.

– Максим был прав: не стоило возиться с тобой. Нужно было просто отправить тебя обратно в Лондон.

А я еще хотела извиниться! Да пошло всё к черту! Резко открыв дверь, и вылетела на улицу.

– Доберусь сама… Геннадий Викторович!

17. За что?

Глаза у меня были красные, заплаканные. Я бежала прочь от Гены, прочь от своей обиды. Сейчас мне как никогда хотелось сделать все наоборот! Нарушить все его запреты! Наплевать на любую опасность!

«А есть ли она на самом деле? Почему я так легко поверила Гене? Сменила имя, дом, постоянно оглядываюсь, дрожу от любого шороха. Гене удалось меня запугать! Зачем? Чтобы диктовать свои условия: это нельзя, то нельзя. А я покорно слушалась, потому что боялась! Браво, Гена! Создал для себя покорную марионетку. Не такой я вернулась домой. У меня были свои планы, мечты. Где они все?! Может, хватит мне уже всего бояться? Пора взять свою жизнь в свои же руки. Для начала я съеду от Мироновых. Мне есть где жить. Работу я не брошу, пусть Гена даже не мечтает! С работой и моими сбережениями с голода точно не умру. А еще я больше не буду прятаться! Я хочу знать правду, и я ее узнаю». Мысленно сняв с себя все запреты, наложенные Геной, я решила, что для начала найду своего отца. Сама!

С этой мыслью я вбежала в кофейню. Я опоздала. Заметила брошенный на меня из-за стойки недовольный взгляд Захара. Из-за меня он вынужден торчать на работе, вместо того чтобы наслаждаться последними летними денечками.

– Привет! Извини! Знаю, что опоздала и подвела тебя. Сейчас переоденусь и сменю… – Мне, правда, стыдно: не люблю подводить людей. Но вину за опоздание мысленно свалила на Гену, и мне стало легче.

– Ксюш, ты бы хоть позвонила! – Голос Захара звучал не сердито, но устало. – Я тут целый день один. А тебя нет, телефон недоступен, сама не звонишь. Не знал, что и думать уже!

– Захар, прости! Мне очень стыдно! Давай, завтра ты на час позже придешь, я отработаю.

– Говорю же, не в этом дело! Я волновался! Сначала Реми, потом ты!

– А что с Реми?

– Он тоже не пришел, и телефон не отвечает. А вы же вместе вчера ушли. У вас все в порядке?

– У меня – да. А Реми… он уехал от меня на такси. Должен был уехать. Егор у себя?

– Говорю же, я один тут. Недавно, вот, Оля пришла, а так все как будто испарились. Вроде, и не пили вчера особо. – Захар начал снимать кассу, чтобы сдать мне смену, а я побежала переодеваться.

– Телефон включи! – донеслось мне вслед.

В раздевалке я мигом скинула одежду и надела форму. Включила телефон, собрала волосы. Пока пристегивала бэйджик, на телефон посыпались уведомления о пропущенных звонках и сообщениях. Читать их мне было некогда. и я побежала сменять Захара.

Гостей в кофейне было совсем мало. Отсутствие Реми значительно сузило наше меню. Без его обалденных десертов гости надолго не задерживались. «Где же он? Проспал?» – подумала я.

Пока никого не было, я достала телефон и начала смотреть, кто звонил. Куча пропущенных от Захара, два от Гены. От Реми – ничего. В мессенджере Аня жаловалась на головную боль, Гриша хвастался бабушкиным котом. От Реми не было ничего. Был в сети вчера. Странно и очень на него не похоже. В этот момент пришли две эсэмэски. Первая – от Гены: «Разговор не окончен». Захотелось что-нибудь съязвить в ответ, но я решила отложить это на потом. Открыла второе сообщение, в надежде, что оно от Реми, однако номер отправителя оказался скрыт, а само сообщение ни о чем мне не говорило: «Это только начало, детка». Бред какой-то! Наверно, ошиблись номером. Больше всего меня беспокоил Реми, точнее, его исчезновение.

Набрала Егора. Гудки, гудки, гудки… Я не могла понять, что происходит, ведь кофейня – их общее детище. Они бы ни за что не оставили ее без присмотра без веской причины. Значит, что-то случилось! Не находя себе места, я продолжала набирать по очереди то одного, то второго, только всё безрезультатно.

Кофейня работала до десяти вечера, а на часах было уже девять. Через час пора закрываться. Но как? Я ни разу этого не делала. Ключи, сигнализация… Я понятия не имела, где все это. В зале находился всего один гость, а также я и Оля. Хорошо, что хотя бы она была рядом.

Перезвон колокольчика известил о новом посетителе. Подняв глаза, я на мгновение успокоилась. Передо мной стояли двое полицейских, и я решила сперва сделать им кофе, а потом пожаловаться. Но они, не садясь за столик, направились прямо ко мне. И в этот момент я поняла: всё плохо.

– Добрый вечер! Нам нужна Миронова Ксения Геннадьевна. Где ее можно найти? – проговорил тот, что повыше.

– Это я. Что-то случилось? – Голос мой дрожал. Умом понимала: случилось. Просто так полиция тебя не станет разыскивать. Но пыталась верить, что ничего серьезного.

– Вы последней видели Потапова Михаила Витальевича. У нас есть к вам несколько вопросов.

– Кого я видела? – В голове зашумело, к горлу подступила тошнота. Михаил Потапов – Реми. Я не сразу сообразила. – Погодите, что значит «последней»? Что

с Реми?

– Давайте присядем и поговорим.

Мы сели за столик. Меня начало колотить. Глаза наполнились слезами. Господи, пусть это будет сон! Реми, мой милый Реми, что с тобой?!

18. Молитва

«Почему они молчат?» – думала я. Один смотрел на меня, второй достает какие-то бумаги. Всё молча. Это молчание меня пугало. Оля на автомате подошла к нам и предложила кофе. А у меня мелькнула глупая мысль: «Если они согласятся, с Реми будет все хорошо, а если нет, то плохо. Когда всё безвозвратно, кофе не пьют, я права? Пожалуйста, согласитесь!»

– Нет, спасибо, – произнёс тот, что повыше. У меня непроизвольно вырвался стон. Господи, он всего лишь отказался от кофе, это ничего не значит! Не значит! Я дура! Дура! Как можно было загадать такое?!

– А я, пожалуй, не откажусь. Аромат у вас здесь стоит, надо сказать, такой, что слюнки текут. Не смогу отказаться! – проговорил второй сотрудник полиции, даже не понимая, что он не просто согласился, а вернул мне надежду. Реми жив, теперь я готова была поверить в это.

– Пожалуйста, скажите, что с Реми… то есть с Мишей… все хорошо! Пожалуйста! – Голос мой сорвался на шепот. В тот момент не спрашивала, а просила, как будто только от них зависела судьба моего друга. Оля тоже находилась рядом и волновалась не меньше меня. Она убежала за кофе и сразу же вернулась обратно.

– Ксения Геннадьевна! – начал тот, что повыше. – Ксения, сначала вы нам расскажите всё, что знаете: где виделись в последний раз, во сколько, заметили ли что-то странное.

И я Начала рассказывать о том, как мы шли, как вечно болтающий обо всем на свете Реми молчал, почему мы шли пешком и почему не со всеми. О его последних словах, сказанных мне. Последних… Нет, нет, нет! Нельзя даже думать так! Он еще мне много всего расскажет! Только так!

– А вы не знаете, почему Максим Витальевич просил вас быть осторожной? О ком шла речь?

Вопросы, вопросы, вопросы… Всё так медленно и дотошно! Когда они уже узнают от меня все, что им нужно, и, наконец, скажут мне о Реми?

– В клубе ко мне подошел один парень, он не понравился Мише. Черниговский Тимур, вроде.

Что я такого сказала, не знаю, но мужчины переглянулись и резко стали убирать все свои бумаги обратно.

– Вопросов больше нет, все понятно! – отрезал один из них. – До свидания!

Они встали и направились к выходу.

– Погодите!!! – я почти кричу, – Так с Мишей– то что?

– Он в отделении травматологии областного госпиталя. На него ночью напали и сильно избили. Всего доброго!

«Он больнице. Значит, жив! Мне надо туда, прямо сейчас! Я должна знать, как он! Что с ним произошло? Я должна попросить прощения! За что? Не могу пока понять, но чувствую, что виновата перед ним. Это я утащила его из клуба, я отказалась от такси! Это я спокойно лежала в кровати, когда он, избитый, мучился от боли! Я даже не спросила его, как он добрался. Не подумала о нем. Я эгоистка! И я виновата не меньше тех уродов, что напали на него!» – Эти мысли не давали мне покоя.

Не дожидаясь десяти, мы с Олей с грехом пополам закрыли кофейню и помчались в больницу. Нас к Реми, конечно, не пустили. Не приемные часы. О состоянии Реми тоже молчали: мы ему никто, не положено. Все наши уговоры,

мольбы, просьбы разбивались о стену ледяного безразличия. Всё, что нам удалось узнать – Реми жив, но находится в реанимации. Это очень плохо. Значит травмы, которые он получил, серьезные! Но он жив, а это главное!

Мы стояли у крыльца в растерянности. Оля набрала номер Ани, но та тоже ничего не знала, с Егором не общалась. Егор! Он тоже пропал. А вдруг и с ним беда? Я гнала эти мысли от себя.

Около одиннадцати зазвонил телефон. Гена. Я сбросила звонок… потом ещё один. «Это все из-за него! – мысленно твердила себе я. – Из-за него я вернулась домой раньше! Это ему Реми пообещал, что проводит меня! Он виноват не меньше меня! Сейчас я его ненавижу!»

Так ничего и не узнав, Оля уехала домой, а я просто брела по улице. Проспект Ленина никогда не спит. Неоновые вывески, фары машин, всегда много людей, даже ночью. Если идти вдоль проспекта квартала три, то будет дом Миронова. Но я не хотела, не могла его видеть. Остановившись, тормознула такси.

– Кто там посреди ночи?

– Алевтина Егоровна, это Ксюша! Откройте, пожалуйста!

Дверь со скрипом слегка приоткрылась, и соседка осторожно выглянула. Убедившись, что это я, она открыла и впустила меня.

– Ксюша, у тебя все нормально? Почему ночью? И что с лицом, девочка моя? Обидел кто? Плакала? – Алевтина Егоровна стояла в одной сорочке – очевидно, я ее разбудила. Мне было неловко, неудобно, но больше я ни к кому не могла обратиться.

– Алевтина Егоровна, у вас нет запасного ключа от бабушкиной квартиры? Я свой потеряла. – Я врала: ключ остался у Мироновых, но я решила туда не возвращаться.

– Погоди, дочка, был где-то… Сейчас вспомню, куда положила… А ты заходи. Давай-давай, иди на кухню. Что же это с тобой? На тебе ж лица нет!

Не споря, я побрела на кухню. Алевтина Егоровна поставила на плиту чайник, достала чашки. Не спрашивая, положила мне три ложки сахара. Я не пью сладкий чай, но сейчас даже не заметила этого. Мне было всё равно. Этот день опустошил меня до дна.

– Вот ключи. Но только к себе завтра пойдешь. У меня переночуешь, на диване. – В эту минуту я была ей так благодарна. Мне и самой не хотелось оставаться в пустой квартире, но к Мироновым не хотелось еще больше. – А сейчас рассказывай, не молчи. Пока в себе всё держишь – тяжело. А как выговоришься, так и груз спадет. На двоих-то всяко легче.

И я опять врала, понимая, что правда соседке ни к чему: у нее больное сердце, сама говорила. Пусть думает, что просто поругалась с родственниками – остыну и вернусь.

Алевтина Егоровна, как и обещала, постелила мне на диване. Я лежала, пялясь в одну точку на потолке и пытаясь вспомнить хоть какую-то молитву. Я не знала, как еще мне помочь Реми!

19. Чужая боль

Настойчивый звонок телефона разбудил меня. Открыв глаза, я не сразу вспомнила, что нахожусь у Алевтины Егоровны. Начался новый день, и события предыдущего дня еще не успели отравить его.

– Да… – Голос мой был немного сонный. Звонок с неизвестного номера – скорее всего, опять реклама.

– Ксюша, разбудил? – Это был Егор. Судя по голосу, у него все хорошо. И это радовало! За него я тоже переживала.

– Нет, я уже проснулась. С тобой все хорошо, я волновалась!

– Да, ну и денёк вчера был! Прости, если напугал. Просто столько навалилось! Сначала мама Реми к нам пришла, вся в слезах. Она его найти не могла. Он, как с

тобой ушел, так и пропал. Искали вместе. Я сразу тебе хотел позвонить. Но, представляешь, у меня телефон в клубе свистнули. Вот кому мой раритет битый понадобился?! Ну, да не важно. Короче, я же твой номер наизусть не знаю. Анька спит, к телефону не подходит. Набрал Захара. Он сказал, что ты в кофейне, но, вроде, Реми не видела. Не стал время тратить, начал общих знакомых трясти.

– Он в больнице… – неуверенно проговорила я. Неужели Егор не в курсе?

– А ты откуда знаешь?

– Ко мне вчера из полиции приходили.

– Шустро они! Мы Реми в травме нашли. Он без сознания к ним ночью поступил. Какие-то отморозки его избили. Главное – зачем? Ни денег не взяли, ни телефона! Просто отмутузили недалеко от твоего дома и бросили. Мужик какой-то его нашел, «скорую» вызвал. Это хорошо, что я к тому времени знал, что ты в кофейне, а то реально с ума бы сошел! – Егор замолчал на секунду, а потом продолжил: – Мы с его матерью в больнице как раз были, когда менты пришли. Я им и сказал про тебя. Ну, ничего, найдут этих уродов! Как пить дать найдут! Там же камеры повсюду.

– Егор, ты его видел? Как он? – Мне сейчас не хотелось знать ни о чем, кроме состояния Реми.

– Ночью в себя пришел, из реанимации перевели в палату. Я тебе чего звоню: поедешь со мной к нему? Кофейню на сегодня закрыл – не до нее. Так что у тебя выходной.

– Поеду, конечно! Мог бы и не спрашивать!

– Отлично! Тогда заберу тебя через пару часов, там как раз приемные часы будут.

– Я не дома. Давай у больницы встретимся, ладно?

– Ладно, тогда к одиннадцати. Не опаздывай.

На часах была половина девятого. На столе лежала записка от Алевтины Егоровны: «Ушла на рынок, не теряй». Решила подняться к себе в квартиру, принять душ и переодеться (вроде, что-то из одежды оставалось). Вышла на лестничную клетку и замерла: этажом выше слышался громкий стук в дверь. Кто-то звонил и стучал в мою дверь. А затем раздался грозный голос Гены: «Ксения, открывай эту чертову дверь! Я знаю, что ты там!» Но меня там не было! Я, замерев, стояла этажом ниже. Хотела было вернуться в квартиру соседки и спрятаться там, как вдруг услышала, как Гена отворяет входную дверь бабушкиной квартиры и заходит туда, где ему не рады! Я вернулась в квартиру Алевтины Егоровны и заперлась на все замки. Стараясь дышать как можно тише, я смотрела в глазок, зная, что Гена поймет, что в квартире меня нет и не было, и уйдет. Он не может знать про Алевтину Егоровну, не может! Надо только подождать! Спустя минут десять наверху вновь раздался хлопок, и мимо моего убежища прошёл вниз Гена, держа около уха телефон. Я успела заметить, что выглядит он помятым и уставшим. Обида на Гену не так грызла меня, злость поутихла, да и ненависти никакой не было.

Накануне я ни разу не ответила ни на его звонок, ни на эсэмэску. Дома я не ночевала. Наверняка он переживал. И Софья Александровна, скорее всего, тоже места не находила. Мне стало стыдно перед ней за свой поступок. Она-то здесь ни при чём, не виновата, что с мы с Геной разругались, и не заслужила такого отношения к себе. Я поняла, что должна извиниться и, пусть жить я там больше не собираюсь, но уйти должна правильно. Поэтому решила написать Гене эсэмэску, что со мной все хорошо, чтобы они не переживали за меня. Конечно, этого мало, мне следовало бы позвонить или приехать, но смелости пока не хватило. Ответ прилетел мгновенно:

«Ксения, ты где?»

«Осталась у подруги. Сегодня перееду на бабушкину квартиру».

«Хорошо».

«Хорошо»? Вот так просто? Ни угроз, ни запугиваний, ни уговоров? Это так не похоже на Гену! Видимо, я добилась, чего хотела: ему стало всё равно!

– Ксюш, думаю, ему пока ничего нельзя, – сказал Егор, взглядом указывая на пакет с фруктами, который я купила для Реми.

Мы стояли у входа и ждали, когда начнутся приемные часы. Я очень волновалась! «Как Реми отреагирует на меня? Сможет ли простить?» – Эта мысль не давала мне покоя.

Поднялись на третий этаж. В узком больничном коридоре стоял запах лекарств, хлорки и боли. Мимо двигались загипсованные и перевязанные пациенты: кто-то на костылях, кто-то на коляске, кто-то шёл сам, кому-то помогали. Старики, молодые, мужчины и женщины – кого тут только не был! Слышатся стоны, хрипы и повсеместное шарканье тапочек.

– Наталья Олеговна, мама Реми, выбила ему отдельную палату, так что Реми сейчас, как на курорте, – попытался разрядить обстановку Егор. Но меня только сильнее сжимал в тиски страх, что Реми меня прогонит, даже слушать не захочет: это ведь по моей вине он оказался в этом чистилище.

Егор открыл дверь палаты, широко улыбнулся другу и зашёл внутрь. Я стояла, видела Реми, но зайти не могла. Всегда розовощекий, счастливый и задорный, сейчас Реми казался безжизненным. Синева под глазами, ссадины на лице, повязка во всю голову. Тело, спрятанное под одеялом, выглядело, уверена, не лучше. Создавалось ощущение, что он потерял половину своего веса. Что эти изверги с ним сделали?!

Реми повернул голову в мою сторону, и я встретилась с его взглядом – печальным, усталым, болезненным.

– Прости, прости, прости, – одними губами прошептала я.

Реми слегка помотал головой и слабо улыбнулся уголками губ. С глазами, затуманенными пеленой слез, вошла в палату, подошла к Реми и взяла его за руку. Она была холодная и немного шершавая от ссадин. Я легонько провела большим пальцем по тыльной стороне его ладони. Мне так хотелось забрать хотя бы часть его боли!

Я пока еще не знала о том, что мне уготована моя собственная боль.

20. Розовые пони. Тимур

Я проснулся в холодном поту. Опять эти кошмары! Сколько их уже не было? Последний год был относительно спокойным, но они вернулись. Вернулись в тот день, когда я нашел ее. И снова этот ад! Я уже прожил его три года назад, но каждую ночь он возвращается, чтобы напомнить: виновные до сих пор не наказаны.

Сбросив пелену кошмара, я подошёл к окну. Самая высокая точка города… Панорамные окна… Весь город как на ладони. Я прижался лбом к прохладному стеклу. Как же я хотел бы всё забыть!

Но меня не отпускало. Стоило закрыть глаза, как я снова и снова видел окровавленное лицо сестры и слышал ее детский голосок: «Мне так страшно, Тимур! Так страшно!»

Кире было двенадцать. Всего двенадцать, мать его! В этом возрасте мечтают о розовых пони, но никак не о том, чтобы «скорая» успела собрать тебя по частям. В тот день все пошло наперекосяк. Ссора с отцом задержала меня буквально на пять минут. Ничего нового. Он в очередной раз орал, как ненавидит меня, что я позор семьи, как ему тошно быть моим отцом. Кира должна была ждать меня в гостиной. За завтраком мы с ней спонтанно решили, что сегодня в школу она поедет со мной. И скорее всего, до школы мы бы не доехали, свернули бы в парк или к озеру. Иногда мы так делали. Но в тот день Кира меня не дождалась! Всего каких-то пять минут! Пять минут, которые перевернули всю мою жизнь! Вопреки моей просьбе она убежала к машине отца, на которой обычно ее отвозили в школу. Взрыв прозвучал внезапно… Когда приехала «скорая», Кира уже не боялась.

То, что Кира стала разменной монетой в разборках двух бывших авторитетов, сомнений не вызывало. На тот момент отец хоть и завязал с криминалом, но война с Горским была для него делом принципа. Что конкретно они не поделили, не знаю. Ходили слухи, что отец в свое время сильно подставил Горского. Одинокий и одичалый волк, которому нечего терять, отчаянный и сумасшедший, он всегда бил в самую цель. В том, что Горский в качестве сокрушительного удара мог выбрать Киру, у меня не возникало сомнений. Никого более значимого и ценного, чем дочь, у Федора Черниговского никогда не было. Но странно другое. Смерть за смерть! По таким законам всегда жил мой отец. Но в этот раз он не мстил, не пытался уничтожить ублюдка. Он принял смерть дочери как должное. Почему?! Как такое возможно?! Выходило, что либо Горский ни при чем, либо отцу прилетела ответка. Вот только у Горского детей никогда не было.

Да и фото этой девчонки! Каким образом она причастна к смерти моей сестры? Мне до отупения нужны ответы! Если отец принял все, что произошло в тот день, то я – нет! Я успокоюсь, только тогда, когда накажу всех виноватых!

– Даня, это Черный! Удалось что-то узнать? – Плевать на то, что сейчас ночь! Я хотел знать правду!

– Чёрт, Тим, ты на часы смотрел?! – Он явно был недоволен. Но мне было все равно, я платил не за его удовольствия, а за информацию.

– Смотрел. Так что по девчонке?

– Миронова Ксения Геннадьевна. 17 лет. Через пару недель 18. Проживает с отцом, мачехой и младшим братом по адресу проспект Ленина, 114, кв. 25. Отец – бывший военный, сейчас возглавляет службу безопасности бизнесмена Соболева. Мать неизвестна, вроде, при родах умерла. Что еще? А, училась Миронова последние четыре года в Англии, в закрытой школе, пределов Великобритании за это время не покидала. Сейчас поступила в местный вуз на переводчика. Работает в кофейне. Адрес на почту отправил. Тим, знаешь, самая обычная золотая девочка. Но есть одно «но»…

– Не тяни!

– Я порылся в старых базах… Так вот, ни пять, ни шесть, ни десять лет назад Мироновой Ксении не существовало. Она стала отражаться ровно четыре года назад.

– И что это значит?

– Чисто мое мнение, что все почистили. А зачем и что там было, кто его знает! Работал профи.

– Понятно. – Хотя я ни черта не понимал. Киру убили три года назад, а этой Мироновой в стране к тому времени уже не было год с лишним. – Даня, пробей ее на связь с Горским. И по отцу ее мне информацию надо. Военные, хоть и бывшие, обычно детей в Лондон не ссылают.

– Да мы Горского этого уже со всех сторон прочесали! Еще, конечно, посмотрю. Но сам ведь знаешь…

– А что с утырками, которые на толстого напали. Чьи они? Удалось установить?

– Точно пока нет, похоже, залетные, не наши.

– Ясно.

С этим Михайло Потапычем я хотел поговорить лично. Что-то мне подсказывало, что смелости у него ни на грош. Пухлый, одутловатый, на две головы ниже девчонки. Всю дорогу до ее дома шел, сверля глазами асфальт под ногами. Что за пара такая несуразная? Пока ехал за ними, все думал: зачем она с ним? Ждал, когда попрощаются. С ней разговор будет потом и при других обстоятельствах. Тогда меня интересовал только жирдяй. Уверен, одного моего вида хватило бы, чтобы он сдал девчонку с потрохами. Но поговорить с ним я не успел. На минуту меня отвлек звонок Артура. А когда вновь нашел его, с ним разбирались уже другие. Трое отморозков били его со всей дури прямо под камерой рядом стоящего ювелирного салона. Идиоты! Вы же сами подписали себе срок! Смотреть, как толстяк отдавал Богу душу, не входило в мои планы. Пришлось вмешаться. Мое появление их спугнуло не на шутку. Значит, узнали!

Парень лежал на спине и смотрел пустым, еле живым взглядом. Похлопал его по лицу, чтобы привести в сознание. Он взглянул на меня, что-то пробормотал и отключился. Черт! Понял, что нужна «скорая», иначе кирдык ему будет. Хотел вызвать, но понимал, что светиться здесь мне никак нельзя. Тогда посмотрел в карманах толстяка и нашел его паспорт и мобилу – с нее и вызвал «скорую». В моем распоряжении оставалось не больше десяти минут до приезда врачей, но этого времени хватило, чтобы изучить его документы и найти контакты девчонки в телефоне. Михаил Потапов по паспорту. Чёрт, точно Винни-Пух какой-то! Его родители явно с головой не дружили. Ее же он записал как «Ксю-Ксю». Ксюша? Оксана? Ладно, не важно. Главное, теперь у меня был ее номер, а значит, дело последних лет сдвинулось с мертвой точки.

21. Гость

Последние дни лета! В этой череде переживаний я совершенно не успеваю ими насладиться. Сейчас же, сидя на скамейке рядом с госпиталем, я ощущала тепло уходящего солнца на своем лице и блаженно улыбалась.

Встреча с Реми помогла мне обрести душевное равновесие. Я поняла, что с ним все будет хорошо, да и чувство вины немного отлегло. Травмы оказались не такими страшными, какими я их представила на первый взгляд. Конечно, я знала, что Реми придется полежать в больнице какое-то время, но главное, что никаких серьезных повреждений у него не было. Вот только это никак не снимало ответственности с тех, кто напал на него.

Меня ждало еще одно неотложное дело: разговор с Геной и последующий переезд.

«Я приеду сегодня за вещами. Удобно?»

Мне не хватило смелости ему позвонить. Но и без предупреждения появиться в квартире Мироновых мне будет неудобно. Скупое «Да» в ответном сообщении заставило меня покинуть насиженное солнечное местечко и отправиться за вещами.

В квартире никого не было – наверное, уехали за Гришей или в магазин. Приближалось первое сентября, и нужно было купить парню форму для физкультуры. А у него, как-никак, впереди был первый класс! Мне стало немного грустно, что не увижу Гришку-первоклассника с огромным рюкзаком и букетом в половину его самого, не услышу, как он делится впечатлениями о школе и первом учителе, но я успокаивала себя тем, что в любой момент смогу ему позвонить.

Я вошла в комнату, ставшую за лето мне родной. Комната небольшая, но очень уютная и светлая, как и вся моя жизнь в этом доме. Я знала, что буду скучать, и теперь осознавала это отчетливо и ясно, но было слишком поздно менять решение.

Собрав все самое необходимое, я уже направилась к выходу, как вдруг раздался звонок в дверь. Первой моей мыслью было притвориться, что никого нет дома. Тем более, пришли явно не ко мне, а постоянных жильцов дома действительно не оказалось. Но любопытство взяло верх над осторожностью, и спустя минуту я

уже выглянула в глазок. За дверью стоял мужчина. Рассмотреть его было сложно, поскольку он что-то искал в сумке, перекинутой через плечо, а потому я смогла увидеть только его макушку. То, что произошло потом, меня изрядно испугало. В руках у мужчины я увидела связку ключей. Он еще не успел поднять голову, как я уже потеряла свою от страха. В мозгу пульсировала мысль, что мне нужно спрятаться и что времени у меня в обрез. Кто это и для какой цели он планирует открыть чужую квартиру, мне знать совершенно не хотелось, а вот остаться целой и невредимой – очень даже.

Вцепившись в сумку и, зажав в руке телефон, я быстро залезла в шкаф-купе для верхней одежды, стоявший в коридоре, благо, летом его почти не использовали и он практически пустовал. Не успела я задвинуть дверцу, как раздался характерный звук открывающегося замка. Я замерла, старалась не дышать, ничем себя не выдать, понимая, что в противном случае неизвестно, чем все закончится. Но сердце колотилось так громко, что его стук отдавался в ушах и, кажется, был слышен во всей квартире.

Дверь открылась и закрылась. Он уже был в квартире. Я слышала его шаги, тяжелые и неторопливые. «Боже, что делать?!» – билась в голове мысль. В руках у меня был телефон, можно было вызвать полицию или написать сообщение Гене. Второй вариант показался мне более тихим и безопасным. Но тело меня не слушалось, оно окаменело от страха! Шаги приближались. И внезапно наступила тишина. Наверное, непрошеный гость остановился, чтобы осмотреться. «Если это вор, то в шкаф он обязательно залезет», – подумала я, мысленно ругая себя за то, что не спряталась в глубине квартиры. Так был бы шанс, а сейчас… Но мужчина снова куда-то направился. Я выдохнула.

Я не имела ни малейшего представления о том, где он. Я почти ничего не слышала и поняла, что Раз так, рядом его точно нет. Решилась поднять руку, в которой был зажат телефон, и написать эсэмэску. От экрана в темноте исходил ослепляющий свет. Я сощурилась, опасаясь, что свет будет виден сквозь зеркальную поверхность шкафа.

«Гена, в квартире вор. Нужна помощь!»

Прежде чем отправить, поставила телефон на беззвучный режим, зная, что Гене хватит ума ответить. И ему его хватило:

«Если вор, звони в полицию, я занят».

«Он серьезно? В его квартире грабитель, а он занят?!» – с возмущением подумала я. К горлу подкатил комок из слез, негодования и тихого ужаса. Чувствовала, что еще немного, и меня накроет. Я поняла, что помощи ждать не стоит. И в этот момент послышался звук работающей кофемашины, а затем и включенного телевизора в гостиной. «Что он там делает? Какого черта он творит?! Разве так грабят квартиры? – недоумевала я. – С другой стороны, какая мне разница? Главное – пока он занят, я смогу убежать. Надеюсь, телевизор сможет его отвлечь».

Сумку я решила забрать в другой раз – мне было е до нее. Передо мной стояла задача – очень тихо открыть шкаф и на цыпочках добраться до входной двери. Ее, конечно, бесшумно не открыть, но если делать все быстро, то можно успеть выскочить в подъезд.

Руки не слушались, ноги дрожали. «Господи, пусть всё получится!» – молила я. Надавив на створку шкафа, начала медленно сдвигать её в сторону. Зажмурилась, старалась не дышать. Пока все было тихо. Мне удалось бесшумно сдвинуть створку. Медленно вышла из шкафа и огляделась – его не было. Путь к побегу был свободен, но я сделала шаг в сторону гостиной. Мне вдруг показалось, что увидеть вора крайне необходимо, чтобы потом проще было его найти! Мысленно ругая себя, на носочках прокралась в гостиную. Мужчина сидел на диване спиной ко мне. Ноги он положил на журнальный столик, а руки раскинул по спинке дивана. Там же, на столике, стояла моя чашка с его недопитым кофе.

– Ну что, надоело прятаться? – едва сдерживая смех и не поворачивая головы, произнёс гость.

– Да. «Зачем я отвечаю? Еще не поздно убежать» – рассердилась я на себя, но ноги как будто приросли к полу.

– Ну и отлично! А то я уж, было, подумал, что мы в прятки играем, как в детстве. – И тут он обернулся, а на моем лице расплылась улыбка. Напряжение последнего получаса спало, и я, не сдержавшись, подбежала и обняла его.

– Лёша! Ты! Как же я испугалась! Думала, это вор! Откуда у тебя ключи?

– Геннадий дал. Сказал помочь тебе перевезти вещи, но не знал, дома ты уже или нет. – Леша встал и внимательно оглядел меня. – А ты подросла, мелкая!

– А ты вообще шкаф! Точно бандюга!

– Ладно, хватит, иди, еще обниму. Я скучал!

Он скучал?! Я точно не ослышалась?! Но сейчас, глядя на него, поняла, что тоже скучала. Мне не за что было на него злиться. Пусть в детстве мы так и не стали близкими друзьями, но и плохого Леша мне никогда ничего не делал. За это время он мало изменился – все такой же высокий, красивый, вот только стал еще шире в плечах. И взгляд! Если раньше он казался мне ледяным, то сейчас в его серых глазах светились веселые, лукавые искорки.

– Ксюш, давай поговорим, а? Знаю, болтать по душам нам раньше не приходилось. Я был еще тем засранцем, да и ты мелкой занозой, сама знаешь, где. Но сейчас послушай меня, ладно!?

Когда первые эмоции спали, мы с Лешей перебрались на кухню, где решили выпить еще по одной чашечке кофе. Мне захотелось его удивить, и я старательно выводила рисунок на молочной пенке.

– Ладно, слушаю. И, кстати, занозой я не была, а вот ты… – Но Леша меня не дослушал.

– Ксюш, ты сердишься на нас всех, я знаю. У тебя на это есть причины. Я бы тоже сердился, даже больше, чем ты. – Голос Леши стал серьезным.

– Тебя Гена попросил со мной поговорить?

– Нет, скорее, наоборот. Я уже говорил и отцу, и Геннадию, что если бы ты была в курсе, совершала бы меньше глупостей. Мне никогда не казалось правильным делать все за твоей спиной, но, глядя на твою маму, понимал, что отчасти отец был прав. Чем ты дальше от нас во всех смыслах, тем целее.

– Что с моей мамой не так? Почему ты так странно говоришь?

– Ксюш, я тебе все сейчас расскажу. Все, что знаю. Но при одном условии…

– Каком?

– Ты не будешь жить одна, ладно? Не хочешь с Геннадием – не надо. Можешь переехать ко мне, я пару месяцев точно буду в городе.

– Рассказывай! – Рисунок на «капучино» был безвозвратно испорчен, но, чтобы узнать о маме, я была готова дать любое обещание.

22. Откровение

Наш разговор с Лешей затянулся на несколько часов. Конечно, со слов Гены я многое уже знала, но не верила ему до конца. Моё недоверие разбил вдребезги Леша, рассказав о маме.

… О том, что вся эта история началась до моего рождения, я догадывалась. Их было трое: моя мама и два лучших друга, Николай и Федор. Мама в то время была студенткой медицинского института, а ребята – главными хулиганами в городе. Их уже тогда боялись. А еще в этой истории была красивая любовь между мамой и папой и больная любовь Федора. Постепенно дружба парней разрушилась, и на смену ей пришла неприкрытая ненависть. По словам Леши, Федор этот чего только не делал, какие только низкие поступки не совершал, чтобы очернить Николая в маминых глазах, вот только разлучить влюбленных никак не мог. А однажды он подставил моего отца, причём сильно – так сильно, что Николаю светил немалый срок. Мама готова была пойти на все, лишь бы отца оправдали. Тогда и согласилась быть с Федором, который обещал снять все обвинения. Николаю, конечно, причины маминого ухода к Федору преподнесли иначе. Возможно, он бы и догадался в чем дело, и простил ее, если бы его отпустили, но вмешался в эту историю случай, а точнее – я. Мама оказалась беременна и от меня, ребенка от любимого мужчины, отказаться не смогла. Тогда Федор просто озверел: маму выгнал, а Николая посадил на очень большой срок.

Когда мне было лет двенадцать, Николая освободили, и он вернулся в город. Вот только если в прошлом он был простым хулиганом, то теперь стал очень влиятельным человеком в криминальном мире нашего города. Первым делом, конечно, он нашел маму. Тогда она уже была женой Соболева. Подступиться к ней было сложно. А еще он узнал обо мне, но вместо радости, ощутил жгучую ненависть. Во мне он признал дочь Федора, а не свою. Почему он был в этом настолько сильно убежден, непонятно, но желание отомстить маме и Федору за их предательство только укоренилось в его сознании. У него была навязчивая идея – убить меня. Попыток было несколько, но меня хорошо охраняли. Именно тогда Гена стал моей тенью, моим ангелом-хранителем. Но я, конечно, об этом не догадывалась.

То, что случилось с Геной на мосту, стало для Соболева и мамы последней точкой. Для Николая был разыгран спектакль, что очередная его попытка избавиться от меня удалась. Романовская Ксения Николаевна погибла. Уже тогда я стала Мироновой, просто не знала об этом. Меня всячески пытались уберечь. Просто не могли предположить, как отреагирует девочка-подросток на такую страшную правду. Боялись, что не уеду, что не смогу сохранить тайну, что притворяться, будто я не дочь своей матери, тоже не смогу. Сложнее всего после моего отъезда было маме. Николай постоянно появлялся в ее жизни, следил за ней. Как будто мало ему было того, что уже совершил! Примерно через месяц после моего отъезда в Лондон в мамином салоне случился пожар. Еще до приезда пожарных всех эвакуировали, кроме мамы. Дверь в ее кабинет оказалась заблокирована. Пока пытались ее открыть, огонь подошел вплотную и единственным выходом для нее оставалось спуститься через окно. Всего лишь третий этаж, всё возможно. Но она сорвалась. Падение оказалось крайне неудачным: травма головы, несколько месяцев комы и, как результат, практически полная потеря речи и возможности нормально передвигаться. Годы реабилитации, лечение в лучших клиниках Германии, Израиля не давали улучшений и даже надежды. Но Соболев не опускал руки. Он искал новые возможности, передовых врачей, обращался к нетрадиционной медицине, и его усилия не прошли бесследно. Да, мама все еще не могла ни ходить, ни толком говорить, но теперь это было делом времени.

Мы с Лешей сидели друг напротив друга и молчали. Слезы уже высохли. Первая горячая реакция на его рассказ прошла. Я пыталась разложить по полочкам все, что узнала.

Больнее всего было думать о маме. Как же мне хотелось к ней в ту секунду, чтобы просто ее обнять, прижаться к ней и попросить прощения за свои мысли, слова, поступки!

Мне было стыдно перед Геной. Этот человек последние шесть лет постоянно рисковал своей жизнью ради меня, заботился обо мне и, несмотря на все мои капризы и выкрутасы, на все происшествия и беды, оставался верным семье Соболевых. Он же не просто дал мне свою фамилию, а действительно стал мне вторым отцом. Сможет ли он простить меня? Достойна ли я его прощения?

А еще мне было стыдно перед отчимом! Все четыре года я думала о нем лишь в негативном ключе. Он бросил, выгнал, настроил маму против меня, ненавидит… Как же я была не права! Мало того, что он защищал и оберегал меня, оплачивал учебу, он еще и маму не бросил. А мог бы это сделать. С его статусом и деньгами легко бы нашлась замена больной жене. Но нет, он пёр, как локомотив вперед, не давая маме опускать руки, не жалея денег на ее лечение, не останавливаясь! И видит Бог, как сильно я благодарна этому человеку!

– Леша, я так перед всеми виновата! Как же мне стыдно! Ты не представляешь, как я хочу извиниться перед каждым: мамой, твоим отцом, Геной. Да даже перед тобой, Леша! Что я, что мама для тебя совершенно чужие люди, которые ничего, кроме бед и проблем, не принесли в вашу семью. А ты сидишь со мной весь день и успокаиваешь! А я ведь совершенно не заслуживаю этого!

– У тебя будет такая возможность, поверь. И с мамой, и с отцом ты обязательно увидишься и поговоришь. Они хотят этого не меньше тебя! Не знаю, говорил Геннадий или нет, но Николай узнал о возвращении твоей мамы. Мы все опасаемся, что он опять может навредить вам. Поэтому…

– Поэтому я подожду, когда все успокоится, – перебила Лешу. Я теперь все понимаю! – Начну пока с Гены!

– Вот и умница! Ксюш, что касается меня! Поверь, я никогда ни в чем не винил ни тебя, ни Екатерину. Напротив, я благодарен твоей маме за ее любовь и преданность отцу. Да и его любовь к ней делает из него человека. Ты многого не знаешь. То, каким он был и то, каким стал, заслуга твоей мамы. Мне есть за что быть ей благодарным!

Было видно, что Леша говорил искренне и что за его словами скрывалась другая история, но уже не моя. Возможно, когда-нибудь, однажды… Но не сейчас, он расскажет мне и ее. А в данную минуту у меня было только одно желание – крепко-крепко его обнять! Он не был против. Так мы и простояли, пока не услышали, что в квартиру вернулись Мироновы.

– Леша, можно последний вопрос?

– Давай, мелкая!

– Какая моя настоящая фамилия? По отцу? Ты знаешь?

– Да. Горская. Ксения Горская.

23. Начало

Конечно, после откровения Леши никуда уезжать я уже не хотела! На семейном совете было решено, что будет всем спокойнее, если я останусь у Мироновых.

Спустя время Софья Александровна, сославшись на усталость, ушла к себе, а Леша уехал. Мы же с Геной до самой ночи говорили, просили друг у друга прощения и пытались прийти к взаимопониманию. Оказывается, Гена тоже чувствовал себя виноватым. Он прекрасно понимал мои эмоции, вот только не мог открыть мне всю правду. Говорил, что это семейное, что о таком должна была рассказать мне мама или Соболев. Но мама пока не могла, а отчим … а отчим, оказывается, боялся смотреть мне в глаза. Считал, что не уберег ни меня, ни маму, хотя когда-то взял на себя такую ответственность. Поэтому и доверил Леше этот разговор.

Мы много говорили о маме. Гена рассказал, как она себя чувствует, что говорят врачи, и пообещал в ближайшие дни отвезти меня к ней. Он сразу предупредил меня, что она пока не говорит, произносит лишь отдельные звуки. Но сейчас врачи уже не разводят руками, а наоборот, обещают при интенсивной работе возвращение не только двигательных функций, но и речи. Разговор о маме получился тяжелым. Мне хотелось плакать от каждого слова Гены о ней. Так

страшно было представить, что она чувствует, как она справляется со всем этим!

Я рассказала Гене о Реми, о бандитах, напавших на него, о больнице. Он обещал узнать по своим каналам, как продвигается расследование, а еще я увидела в его глазах настороженность и благодарность Реми. Гена считал, что в тот вечер хулиганы могли бы напасть и на меня, если бы не друг, который взял удар на себя. Я ни разу не рассматривала на ситуацию с Реми с этой стороны. Была ли я в тот вечер в опасности? Мне казалось, нет. Но почему-то именно в тот момент я вспомнила о странной эсэмэске: «Это только начало, детка». Было ли оно ошибкой или как-то связано с Реми, я не знала, но по коже пробежали мурашки. Говорить об этом Гене я не стала: он всё принимал слишком близко к сердцу, а волновать его без причины и пожинать плоды его волнения в виде очередных ограничений мне не хотелось. Особенно сейчас, когда он скрепя сердце разрешил мне работать в кофейне.

Чай в кружках уже остыл, и казалось, за этот вечер с Геной мы наговорились на добрых лет десять вперед. Глаза начинали понемногу слипаться.

– Я, наверно, пойду. Завтра рано вставать. – В голосе Гены слышалась усталость, но в то же время и умиротворение.

– Я тоже. Спокойной ночи!

Я уже направилась к своей комнате, когда Гена окликнул меня.

– Помнишь, ты сказала, что я тебе не отец?

Эти слова, конечно же, я сказала сгоряча. Сейчас мне было очень неловко перед ним из-за них.

– Помню, но я так никогда не думала, особенно в обидном смысле. Да и слава Богу, что ты не мой отец! В свете последних событий это даже больше похоже на комплимент! – начала оправдываться я. Мой отец далеко не пример для подражания – скорее, наоборот. Быть его дочерью сейчас, когда я все узнала, мне противно.

– Хм… я просто хотел сказать, что все равно люблю тебя, как родную! Иди спать!

– Ксюша, Ксюша, смотри! Вот этот гладиолус называется «олимпийский огонь». Знаешь, почему? – раздался звонкий, взволнованный голос Гриши. Он с самого утра уже был на ногах, бегал по квартире и готовился к школьной линейке.

– Нет, конечно! Почему?

– Ксюш, ну не сложно же догадаться! Он такой же рыжий, почти красный, как огонь! А «олимпийский», потому что огромный, почти с меня ростом. Настоящий чемпион в бабушкином саду! А вот эта астра – попугай – видишь, какая она яркая и пестрая! Как ты думаешь, Ольге Николаевне понравится? А если нет? Вдруг она злая? Будет мне двойки ставить. Хотя нет, если бы она была злая, ее бы в школу не пустили, так ведь, Ксюш?

– Уверена, что Ольга Николаевна будет самым лучшим учителем! – радостный Гриша убежал к маме, а я продолжила собираться в университет.

Был первый учебный день, и я волновалась не меньше, чем первоклассник Гриша. Какая у нас будет группа? А преподаватели? Смогу ли я влиться в коллектив? В чем лучше пойти? Я так привыкла в школе ходить в форме, что сейчас даже не представляю, что будет более уместно – брюки с блузкой или джинсы. На учебу же можно в джинсах? В конце концов, решила надеть бежевые брюки, туфельки на удобном каблучке и пудровую блузу-рубашку. Получилось весьма мило.

К университету я приехала заранее. Мне хотелось успеть осмотреться, погулять, настроиться на учебный лад.

Факультет иностранных языков находился в новом корпусе на удалении от основного здания университета. И тот факт, что дорога до него занимала чуть больше времени, чем до главного корпуса в центре города, скрашивало наличие небольшого университетского парка с клумбами, дорожками и маленьким фонтанчиком. Пока основная масса студентов не подтянулась, здесь было очень тихо и уютно. Выбрав скамейку напротив фонтана, я решила немного посидеть. Уже через каких-то полчаса здесь закипит студенческая жизнь, а пока можно немного расслабиться и погреться под еще теплыми лучами сентябрьского

солнца. В этом состоянии умиротворения я и не заметила, что прикрыла глаза, а потому пропустила момент, когда рядом со мной кто-то сел.

– У тебя дурацкая привычка! – Низкий бархатистый голос заставил меня вздрогнуть и посмотреть на его обладателя. Рядом со мной сидел Черниговский – тот самый Черниговский, который странно смотрел на меня в клубе и которого так сильно просил избегать Реми. Он опять был в черном и опять в упор смотрел на меня своим тяжелым и пугающим взглядом.

– Какая?

– Закрывать глаза, – равнодушно ответил Тимур.– Однажды это сыграет с тобой злую шутку.

– О чем ты?! Удивлённо спросила я, но парень просто встал и ушел в сторону корпуса. Странный, какой же он странный! И что он тут делает, интересно? Помимо лингвистов в этом же здании располагался факультет дошкольного образования. На секунду представила Тимура в качестве воспитателя в детском саду и не смогла удержаться от смеха.

На этой веселой волне я тоже решила пойти в университет, чтобы с головой окунуться в новую студенческую жизнь.

В холле своего факультета я подошла к информационному стенду, чтобы найти номер аудитории для первой и единственной на сегодня пары. Рядом со мной стояло еще несколько человек. Кто-то снимал расписание на телефон, кто-то переписывал его в блокнотики и тетради, я же просто глазами пыталась найти нужную группу. Постепенно людей становилось все больше, и в какой-то момент я ощутила, что вплотную ко мне кто-то стоит. Чтобы этот человек так сильно не наваливался на меня, я сделала шаг вперед, но давление не прекратилось. Оглянувшись, я хотела было возмутиться, но не смогла произнести ни слова. За мной стоял Тимур, с важным видом рассматривая расписание. Я попыталась отойти, чтобы не мешать ему, но его рука тут же легла на мою талию и притянула меня еще ближе к нему.

– У тебя 202 кабинет, это по лестнице и налево, – как ни в чем не бывало, произнес парень.

– Отпусти меня! – От возмущения я начинала закипать, но мне очень не хотелось привлекать к себе ненужное внимание окружающих.

– Это вряд ли, – ответил он, но руку всё же убрал, да и вообще резко развернулся и ушел. А мне отчего-то стало не по себе. Волнение и возмущение смешалось с еще одним чувством – страхом.

24. Псих

– Ванильный «РАФ» и «капучино» за второй столик. – Протараторив заказ, Женя и убегает к другому столику.

В тот день у меня была меня вечерняя смена. Погода стояла теплая и солнечная, люди ловили погожие деньки и много гуляли, поэтому по выходным в кофейне было все так же многолюдно. Да и вечер пятницы не являлся исключением.

Первые недели учебы пролетели незаметно. Группа у нас оказалась просто замечательная! Все относились друг к другу с уважением, общались между собой легко, а свободное время проводили весело. В учебный процесс я втянулась тоже хорошо. С первого дня – лекции, семинары, новые предметы. Пока они не вызывали у меня никаких затруднений, поэтому я легко совмещала учебу с работой в «Кофеине». Егор взял в кофейню несколько новых ребят, тоже студентов, чтобы у меня с Захаром и Олей не возникало накладок с учебой. Реми все еще был в больнице. Мы с ребятами старались навещать его каждый день и очень ждали его возвращения. На время Егор нашел замену в кофейне и ему, правда, десерты сразу потеряли свою «изюминку».

– За восьмой двойной «эспрессо» без сахара. Что-то сегодня очень уж людно, – Женя в тот день работала на пару с Олей, но все равно ничего не успевала, впрочем, как и я. За стойкой я пока была одна. Вообще-то сегодня мне предстояло работать в паре с Егором, но он задерживался у Реми.

– Мне тыквенный «РАФ» и карамельный «латте» с собой. – Чувствовала, что еще немного, и я взорвусь. Готовила напитки на автомате, стараясь не отвлекаться, чтобы все успеть и избежать очереди. Среди гостей кофейни в основном были

одни студенты – шумные, веселые: неподалеку находилось общежитие местного вуза. Поэтому каждую пятницу и субботу у нас случался аврал. Атмосфера в кофейне располагала к дружеским встречам и легкому общению, а нам оставалось улыбаться и работать в режиме нон-стоп.

– За восьмой еще один двойной «эспрессо» без сахара. – Опять Женя на ходу скинула заказ и убежала. А я готовила напиток и удивлялась, как можно пить «эспрессо», да еще и без сахара. Горечь горькая! Ну да ладно, на вкус и цвет, как говорится…

Минут через двадцать в кофейню ввалилась новая шумная компания, и работы стало еще больше.

– За восьмой снова двойной «эспрессо» без сахара. – Я поймала себя на мысли, что это уже третий «эспрессо» за последний час. Уде перевалило за семь вечера – кто в такое время поглощает кофеин в больших объемах? Когда Женя прибежала за четвертым напитком, я предприняла попытку взглянуть на восьмой столик, но из-за шумной компании перед ним разглядеть кофемана не смогла.

– Ксюх, этот псих заказал уже пятый! – Я не сразу сообразила, о ком говорит Женя. – Короче, еще один за восьмой, все так же без сахара.

– Жень, он их реально выпивает? Может, сливает куда?

– Выпивает и не морщится. Я же говорю – псих! И вид такой… – Она на секунду задумалась. – Опасный, что ли…

Моя любопытная натура не позволила мне усидеть на месте, и я снова попыталась разглядеть гостя за восьмым столиком, но опять же из-за множества народа ничего не увидела. Кофемана закрывал парень, сидевший перед ним за соседним столиком. Все, что я смогла разглядеть – это черноволосую макушку.

Псих, опасная внешность, черные волосы… на ум приходил только один человек, но я гнала от себя эти мысли. За последние две недели я видела его лишь пару раз, и то мельком. Оказывается, Черниговский учился на четвертом курсе на факультете лингвистики. Не знал о нем только ленивый. Гроза универа и всего города, сын депутата, мажор с печальным прошлым и яркой внешностью, он был

целью номер один у первых красоток факультета и злым роком парней. Его внимания жаждали и боялись! Наверно, я попала во второй разряд: меня он пугал. Никак не могла понять, за что можно любить таких, как он. Да и не умеет он любить, это же видно! Разве что себя! Меня всегда привлекали совершенно иные парни: спокойные, добрые, внимательные… Черниговский к таким не имел никакого отношения, и я была несказанно рада, что за это время он больше ко мне не подходил, не говорил со мной и не смотрел в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gordeeva_alisa/esli-by-ne-ty

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити